

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

о военном детстве

65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
И ПАМЯТИ НАШИХ ОТЦОВ И МАТЕРЕЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА

СОДЕРЖАНИЕ

**НЕВЫДУМАННЫЕ
РАССКАЗЫ
О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ**

Составитель:

Перелыгина Ольга Викторовна

Помогали в корректировании и печатании текстов Протопопова Нина Евдокимовна – дочь Протопопова Евдокима Романовича, пропавшего без вести в 1941 году, и правнучка Байменова Екатерина – бывшая ученица ср. школы №1 им. М. Горького, студентка ТГНГУ.

Набор текстов на компьютер:

Ученики школы № 22:

1. Уряшев Евгений – 8-б класс.
2. Реутов Данил – ученик 5-б класса
3. Арефина Ирина – 8-а класс

Основной текст книги набран Криничной Анастасией Александровной – правнучкой Катаева Василия Петровича, погибшего в 1943 году в Черниговской области.

Книга издана на средства администрации Асбестовского городского округа.

Асбестовский филиал
СРОО «Память сердца. Дети погибших защитников Отечества»
г. Асбест, Свердловская область

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогой читатель!	5
Безотцовщина. <i>Дементьева Валентина Егоровна</i>	6
Многое помнится до сих пор. <i>Протопопова Нина Евдокимовна</i>	12
Колоски у нас отобрали. <i>Сысолятина Анна Андреевна</i>	19
Стихи <i>Головиной А.А.</i>	21
Праху отца поклонилась через 66 лет. <i>Брызгалова Анна Ивановна</i>	22
Дети войны 1941-1945 гг. <i>Шаповалова Алевтина Сергеевна</i>	25
Страшное известие. <i>Мальцева Надежда Николаевна</i>	27
Десятилетний брат занимался хозяйством.	
<i>Козинец Валентина Ивановна</i>	29
От отца пришло всего два письма.	
<i>Богданова Людмила Васильевна</i>	32
О семье Романовых. <i>Сыромятникова Лидия Петровна</i>	33
Путь к захоронению отца <i>Романова П.М.</i>	36
Воспоминания <i>Пургиной Галины Ивановны</i>	38
За колоски осудили. <i>Лихачева Нина Алексеевна</i>	41
В деревню никто не вернулся... <i>Грибановская Нина Серафимовна</i>	43
Отец погиб под Любанью. <i>Казакова Нина Фроловна</i>	46
Стихи <i>Петуховой Ирины Федоровны</i>	48
Стихи <i>Пономаревой Надежды Николаевны</i>	50
Стихотворение <i>Голешова Михаила</i>	54
Он написал Сталину. <i>Деева Галина Васильевна</i>	55
Из письма жене в Асбест.	
О Старкове <i>Николае Михайловиче. Шкурко Г.</i>	60
От семьи осталось двое. <i>Мазьков Валентин Владимирович</i>	63
Осталась без кормильца большая семья.	
<i>Михайлова Антонина Семеновна</i>	65

Работать пришлось с раннего детства.	
<i>Бухарова Надежда Михайловна</i>	68
Мама сварила студень из столярного клея.	
<i>Брынцева Нина Александровна</i>	70
Воспоминания <i>Устьянцевой Клавдии Фёдоровны</i> , дочери погибшего защитника Ленинграда,	
<i>Федулова Фёдора Павловича</i>	73
Мой отец погиб под Вязьмой.	
<i>Перелыгина Ольга Викторовна</i>	76
Дорогую шубу променяли на 20 ведер картошки.	
<i>Зайкова Зоя Васильевна</i>	78
Две сестры и брат умерли от голода. <i>Рублева Людмила Ивановна</i>	81
Хлеб пекли с лебедой. <i>Рычков Анатолий Сергеевич</i>	82
Воспоминание о детстве и юности в военные и послевоенные годы детей Головина Анфиногена Константиновича, защищавшего нашу Родину от фашистов и не вернувшегося с полей сражения.	
<i>Валова Маргарита Анфиногеновна</i>	83
Мой отец не вернулся из боя. <i>Жиганова Людмила Васильевна</i>	85
Отец дошел до Берлина. <i>Рождествина Александра Хирсановна</i>	87
Письма с фронта. <i>Воробьева Алефтина Федоровна</i>	88
В Асбесте было трудно выжить. <i>Кочнева Клавдия Владимировна</i>	90
О жизни в военное время. <i>Махаева Валентина Яковлевна</i>	93
Я забыть никогда не смогу. <i>Вяткина Людмила Михайловна</i>	98
Стихотворение <i>Орловой Людмилы Львовны</i>	100

Дорогой читатель!

К тебе обращаемся мы – дети далеких 40-х годов XX века. Наше детство отняла Отечественная война. Наши отцы погибли, защищая Родину, свою семью, свою землю от немецко-фашистских захватчиков.

Мы гордимся своими мужественными отцами, но половина из нас до сих пор не знает, где они погибли, нет места, где мы могли бы поклониться их праху. Эту боль мы несем всю свою жизнь. Мы радуемся за тех, кому удастся отыскать и посетить место гибели своего отца.

Большинство из нас не смогли получить достойное образование. Работали простыми рабочими: бульдозеристами, слесарями, рабочими путей, машинистами обогатительного оборудования, нянечками, уборщицами и т.д. Но многие за свой труд имеют медаль «Ветеран труда», а это значит, что мы не посрамили своих отцов, старались жить честно и достойно.

Обращаясь к потомкам, хотим сказать: «Берегите мир на Земле, он такой хрупкий!». Пусть ваши дети растут в счастливой семье, где всегда есть папа и мама.

***Совет общественной организации
«Память сердца.
Дети погибших защитников Отечества»***

БЕЗОТЦОВЩИНА

Дементьева (Рябкова) Валентина Егоровна родилась 24.05.1935 г. в семье сироты отца и полусироты матери (была только одна мать, 2 сестры и брат – мои тети и дядя).

Но жили недалеко от бабушки в дальнем селе. Село было большое по тем временам – стояло на перекрестке двух больших дорог, и был там большой магазин, столовая и что-то наподобие гостиницы – называли «приезжий дом» на 10 комнат и 3 койки.

Там же родилась и моя младшая сестра. В 1940 году в ноябре мы переехали в поселок станционного типа недалеко от г. Горького. Поселок был большой – железнодорожный вокзал, два магазина (продовольственный и промышленный), дом приезжих и столовая разделяли поселок на две части, а вот школа-десятилетка и клуб были по ту сторону железной дороги. Там был лесопильный завод и всё, что нужно было для обработки леса, а лес был смешанный (хвойный и лиственный).

В январе 1941 г. родился мой брат. Жили мы на квартире у одной семьи из пяти человек (двое взрослых и три дочери). Дом был большой из четырех комнат, кухня, прихожая, русская печь, огромные полаты, где спали все дети, кроме моего брата. Отцу сразу дали место для постройки дома на вновь строящейся улице.

А дома там строили всей улицей: поставят под крышу, покроют тёсом, окна вставят, сарай (будет скот или нет – их не касается), обязательно – баню, а внутреннюю отделку хозяева делают сами, кроме печи – она готова.

Так в начале лета мы переехали уже в свой дом, пусть внутри ни одной перегородки, нам – детям – радость, можно бегать, играть в догонялки вокруг печи. Началось обустройство внутри дома, хотя отец работал вначале заведующим пекарней, потом заведующим промышленным магазином. Его считали грамотным по деревенским меркам, а учила его и старшего брата (он старше отца на три года) вся деревня. Они с братом закончили по семь классов всеобща, было тогда и такое. Брата, как сироту, взяли в летнюю

школу, и он всю жизнь летал. Во время войны 1941-1945 гг. долетел почти до Берлина, завернули в обратную сторону – на Японию, где погиб за 12 дней до перемирия.

Мы жили очень небогато на новом месте. Семья большая, трое детей. Но был огород и лес – прямо за огородом. Приобрели корову. Все было хорошо, помогали соседи.

Посадка была праздником: вначале всей улицей садили в одном краю улицы и за неделю доходили до конца улицы. Все были довольны и справляли борозду. Лето дети проводили на реке, в лесу, ходили все и старшие, и мы с сестренкой.

Но пришел июнь 1941 года. Уходили мужчины на фронт, женщины и старшие ребята плакали, а мы, ничего не понимая, удивленно смотрели. А 20 июля 1941 года пришла повестка и в наш дом (отцу).

Что я помню? Я сидела на крылечке, разувалась, пришли все ребята из леса – ходили за ягодами. Пришел мужчина в длинной шинели и спросил, где отец, мать. Я отвечала, что на работе в магазине, а вечером у нас собралось много соседей и все плакали. Утром отца провожали на вокзал. Помню, что отец поставил меня на какой-то столбик и наказывал, чтобы слушала маму и помогала ей и сестренке с братишкой. Потом он долго махал рукой из вагона и уехал. Остались мы в недостроенном доме одни с мамой: шестилетняя я, третий год сестре и полгода брату, а у мамы – 2 класса деревенской школы всеобуча.

И началось разделение семей на нашей улице, когда-то очень дружной. Женщины, оставшиеся без мужей, объединялись в одну группу, а те, где остались мужчины дома, – стали сторониться.

До 1942 года мы еще не чувствовали сильного влияния войны. В январе 1942 года после госпиталя приходил отец на 10 дней. Я удивлялась, что все, отвернувшиеся, сразу потянулись в наш дом с гостинцами.

Мама работала на лесозаводе, где и все солдатики, женщины (оставшиеся без мужей). Дом оставался на мне: и корова, и огород, и младшие сестренка с братишкой. Вот я и не справилась.

В марте 1942 года очень простыл братишка. Плохая еще из меня была нянька, хоть я очень старалась. Братишка ушел из жизни в конце марта. Весной на корову принесли большой налог и пришлось ее продать. Я плакала очень долго. Есть стало нечего. Пошли мы с сестренкой собирать прошлогоднюю картошку в поле, липовый лист, клевер, сосновые пестики, молодую полынь и всякую другую траву. Крапивы на всех не хватало. Собирали черемуху и красную рябину. Маме давали рабочую карточку и две на нас, иждивенцев. Но хлеба давали мало, а продукты: подсолнечное масло (бутылка на месяц), да жмых подсолнечный, и овсяные хлопья – обдирки от овсяной халвы. Вот и заболел живот у моей сестренки от такой пищи. Мама начала продавать какие-то вещи и по ночам шить на дому всем платья, кофты, юбки. Немного накопила денег и купила молодую козу, чтобы было молоко. Но молока было очень мало. Мне доставалось только чуть, забелить морковный чай, все отдавали сестренке. Но ей лучше не становилось. Врач сказала, что она уже не жилец. Она была права. Сестренки летом не стало. Осталась я одна во всем доме. Мама приходила только ночевать.

И в это лето как-то сразу все стало хуже. Или я сразу повзрослела – не знаю. Школу закрыли, перевели ее в одноэтажный барак на нашу сторону железной дороги, а в школе организовали госпиталь. К нам стали прибывать беженцы из разбомбленных поездов. В нашем доме поселились муж с женой, потерявшие двоих детей во время бомбежки поезда. Они были врачи, везли раненых в тыл. Раненых разместили в бывшей школе.

Вот эти два добрых человека научили меня писать печатные буквы, потом читать по слогам старые газеты, детские книжки, оставшиеся еще от папы. Мама работала, но есть все равно было нечего. Жили на подножном корму. Жильцы редко приходили домой, только в баню и переодеться.

Огород мы с мамой пахали на себе. Я стояла за плугом, а она тащила плуг. Дрова мы тоже заготавливали сами – пилили в лесу, а возили на чьей-нибудь корове, кто еще держал из солдаток, у кого

были повзрослее (10-15 лет) дети, чтобы косить для коровы сено, а грести, метать в стога помогали и я с мамой.

В августе 1942 года все подружки пошли в школу. Тогда в школу шли с 8 лет, а мне было 7. У меня от обиды, что меня не берут в школу, хватило ума написать отцу письмо печатными буквами. В письме пожаловалась на учительницу и высказала такую глупость: «Меня не берут в школу, а мама неграмотная, тебя вдруг убьют, и я останусь совсем тоже неграмотная».

Это письмо папа отдал командиру. В школу пришло письмо с просьбой принять меня со всеми куклами, а как надоест учиться, отпустить до следующего года. Приложили и мое письмо. Письма эти долго мы с мамой хранили, но потом с переездами они затерялись.

А учиться я не бросила. Закончив 7 классов, уехала в город Горький в техникум. Закончила. По направлению отработала 3 года в городе Кустанай. Затем город Асбест, где живу и сейчас, закончив в Новосибирске институт заочно. Из школы мы всем классом ходили в госпиталь кормить раненых, стирать и развешивать бинты, потом их свертывать. Ходили мы действительно с игрушками, которые шила нам мама из тряпок. Раненым рассказывали всякие сказки, которые сами придумывали, какие помнили еще от родителей.

Как мы одевались? Мама мне перешивала из 2-3 платьев одно, на ногах я была обута лучше всех, так как мой двоюродный дедушка (брат бабушки) очень хорошо плел лапти. Мне он делал туфельками с каблучком, а подружкам моим – простые. Папа мой был охотником, и было у него много заячьих шкур. Зимой 1941 года он сшил мне шубку из этих шкур, так я в ней ходила 4 класса, пока она совсем не вытерлась.

В феврале 1943 года приехал мой отец после госпиталя, привез солдатский паек и все, что ему дали из госпиталя в дорогу. Этим мы жили очень долго, даже после того, как папа уехал на фронт, добавляя ко всем припасам, что заготовили летом в лесу и в поле. А потом опять стало и голодно, и холодно.

Помню, как летали немецкие самолеты так низко, что видно было смеющиеся рожи летчиков. Они искали Горьковский автозавод. Но завод был закрыт весь зеленым материалом, а сверху зеленой марлей с нарисованными листьями. Помню, как немцы бомбили мост через реку Ока. Мы его звали «горбатый мост», так как он был похож на коромысло или даже на половину круга. Мост соединял город, где был большой и тоже замаскированный хлебозавод, была пристань и центральный железнодорожный вокзал. Мост так и не разбомбили, но повредили сильно.

В июне 1943 года перестали приходиться письма от папы. 10 июля 1943 года пришло последнее его письмо, где он просил прощения, что редко пишет. Причину написал, что у них очень жарко. Вначале никто не понял. И только врач, что жил у нас, объяснил, что это означает, что у них идут сильные бои.

12 июля 1943 года под Орлом был убит отец в звании старшего лейтенанта, а потом нам прислали орден Отечественной войны I степени, которым его наградили посмертно. Вот так я стала безотцовщиной. Так нас стали звать все, у кого отцы были дома всю войну на брони. На нашей улице нас таких было много, а с отцами жили, почти не тужили всего семь семей, но нас сторонились, считая нас чуть ли не нищими, а вот шить платья шли к моей маме. Вот тогда они были сама любезность.

В 1944 году нам назначили пенсию за отца, а у нас уже были две козы, и мама говорила, что теперь мы выживем. Но на молоко снова был большой налог. Врач, живущий у нас, когда-то написал письмо, чтобы разрешили молоко от коз сдавать в госпиталь для раненых. И опять молока мы почти не видели. Я носила молоко в бидончике после каждой дойки, а доила сама. В госпитале козье молоко давали только тяжелораненым. Иногда они мне давали по полстакана молока, которым я их и поила, хотя им самим давали только по одному стакану в день.

Носили молоко от коз мы четыре подружки – безотцовщины. У них тоже было по две козы. Все лето мы заготавливали для коз веники осиновые, липовые, березовые, всякую траву. В лесу было очень

страшно ходить, так как откуда-то сбежалось много волков, медведей, хотя и так они были, но не столько. Волки по ночам приходили даже к домам и пытались попасть в сарай и напасть на собак. Однажды они загрызли мужчину, но не из наших. Потом приехали к нам какие-то военные и сказали, что это дезертир.

На огородах у всех стали пропадать овощи. Подозрения стали падать на безотцовщину, но вскоре в доме, где был отец дома, поймали двух оборванных мужчин – дезертиров, и с нас сняли подозрения. В поселок приехали четверо мужчин, ходили по дворам и обзывали дежурить по ночам на улице. Дали нам фонарь, колотушку. А кто будет дежурить? Только старики и дети, так как взрослые работали и очень уставали. Собирались мы из 4-5 домов и отводили свои очереди на дежурства. Мы, конечно, никого не поймали, а вот военные поймали на железной дороге двух мужчин, которые разбировали рельсы. Одного поймали, другого убили на месте.

9 мая 1945 года мы на уроке узнали от директора школы, что кончилась война. Директор был инвалид войны, потерявший всю семью во время бомбежки где-то на границе. Мы, безотцовщина, забились в какой-то класс и заперлись внутри. Проревели там до утра, хотя директор и все учителя (были одни женщины) нас уговаривали открыть дверь и пойти по домам. А дома у нас собрались все солдаты и тоже проплакали всю ночь.

Вот когда до нас совсем дошло, что мы – безотцовщина! Мы все притихли, никто из нас не смеялся, не веселился. У всех было горько на душе. Дети, живущие с отцами, повзрослели (уже по 10 лет нашим ровесникам), стали с нами сближаться, разговаривать, но мы как-то окаменели что ли, тяжело шли на сближение, общего было уже мало. Так и доучились до седьмого класса двумя группами детей – отцовские и безотцовщина. Тяжело вспоминать, а выживать было еще тяжелее. Не дай бог пережить это нашим детям и внукам!

В. Е. Дементьева

МНОГОЕ ПОМНИТСЯ ДО СИХ ПОР

Война... Для нас, детей военного времени, это не просто история. Это жизнь. Я не слышала разрывов снарядов, гула падающих бомб. Я и не помню начала войны. Я была слишком мала.

*В тот год мне было две весны,
Совсем не знавших зла,
Над Волгой колыхались сны,
Роса в глазах спала.*

Кто знал, что у двухлетних нас

Судьба поделена

В тот горький день,

В тот горький час,

Когда пришла война.

Ополя начинали петь,

Ручьев сверкала нить...

Судьба: кому-то умереть,

Кому-то долго жить!

И первый гроыхнул фугас,

И жизнь поделена

В тот горький день,

В тот горький час,

Когда пришла война.

Я не помню фамилии поэта, написавшего это стихотворение, но оно о нас. Более 60 лет отделяет нас от первых дней войны. Нам хотелось бы забыть эти ужасы. Наверное, поэтому из памяти выплывают какие-то несвязные картины.

С 40-го года мы жили, по словам мамы, в Латвии. Отец был младшим лейтенантом.

Когда началась война, маму с двумя детьми, мной и сестрой, эвакуировали в Сибирь (там жила мамина мама, наша бабушка).

И на наши детские плечи легла, как и везде, тяжесть войны. Голод и мне пришлось испытать. Мы не знали, что такое карточки, паек. Карточная система не распространялась на деревни: там не было промышленных предприятий. А еще на каждый двор накладывался какой-то налог: надо было сдать сколько-то литров молока, мяса, масла, яиц. Что еще, не помню. Отец писал, что выслал аттестат, но мы его не получили.

Питались тем, что выращивали на огородах. А еще нас спасала конопля. Она была дикая, ее никто не сеял. Из нее взрослые делали веревки, плели половички, а мы зернышками питались. В деревню были эвакуированы дети из Ленинграда, с Украины. Мы все вместе играли в конопле – тогда ведь не слышали о наркоманах и не боялись за нас. Кто знает, скольким детям конопля помогла утолить голод! В восьмидесятые годы я ездила в эту деревню. Коноплю уничтожили всю.

Я больше помню 44-45-е и годы восстановления после войны. Холода стояли тогда жуткие, до 60 градусов. Домишки деревянные, стекла в окнах стучат. Отапливались дома плохо. Помню, как я стояла у окна и спросила у бабушки: «Что это стучит?». Она сказала, что это нужда к нам просится. Я, конечно, не поняла смысла бабушкиных слов. Но я видела, как по дороге шел мужчина (его не взяли на фронт: у него вместо ноги была деревяшка). Я не помню сейчас, как его звали: Иван Семенович или еще как-то. Я очень серьезно, как мне казалось, объяснила бабушке: «Это вовсе не нужда, а это дяденька с колотушкой». Мне тогда казалось, что я слышала стук и скрип деревянной ноги, как-то щемяще это отдавалось в моей маленькой душе.

Чтобы меньше расходовать дров (заготавливали дрова женщины, мужчины были на фронте), в домах стояли печи, которые мы называли железянками. Тепло от них было только тогда, когда в них горели дровишки. И если в доме был картофель (это было осенью и зимой), его резали на пластики, а пластики лепили на желе-

зянку. Это было самое вкусное лакомство. Помню, что в доме всегда было много детей.

К весне в домах почему-то заканчивались продукты. И тогда все дети шли на колхозные поля (урожай не успевали убирать, и он уходил под снег), становились в одну линию, шли по полю и собирали мерзлый картофель, приносили домой, мыли его, и бабушка пекла из него лепешки. Лепешки были синие, но в то время нам казались очень вкусными.

Одежды у нас не было. А когда наступала весна, мы вылезали на завалинки, натягивали рубашонки на коленышки и сидели на солнышке, грелись.

А потом оживала природа, и мы знали, что в лесу найдем полевой лук, щавель, пиканы, позднее – ягоды. Мы оживали вместе с природой. Я не помню, чтобы дети враждовали между собой, жадничали. Кто-то из старших ребят подсказал, что крыса в свою нору натаскивает зерно и что это зерно можно достать, налив в нору воду. Мы тогда бежали с ведрами, кружками, наливали в нору воду, выгоняли крысу и выкапывали горсточку зерна.

В каждом доме были жернова. Высушенное зерно перемалывали. Конечно не сеяли: зерна было мало. К нам приходили ленинградцы (эвакуированные дети – они жили в детдоме) и просили бабушку: «Испеките, пожалуйста, пирожки ни с чем». Это были оладьи. Тогда в доме пахло хлебом! В то время великое счастье!

Голодно было, особенно в конце зимы. Но однажды в деревню (наверное, по ошибке, я так сейчас думаю) завезли жмых (это подкормка для животных), конечно, животным он не достался. Комки были большие, но мы их кололи на кусочки и сосали как конфеты. Ходили по деревне, как цыплята, с желтыми ртами. Конечно, без разрешения правления колхоза взять жмых мы не могли бы. Видимо, уж очень голодно было, если нам разрешили его взять.

Конечно, в каждом дворе была корова. Бедная коровенка... Теплых сараев не было, она мерзла, но в то же время она должна была давать молоко, на ней боронили, пахали, возили сено, дрова. А дрова заготавливали женщины. Я помню, как мама пошла

заготавливать на зиму дрова. С собой она взяла меня и сестру. Она валила небольшие березы, отрубала сучья. Но, видимо, было столько у нее отчаяния, какой-то душевной боли (я даже не могу объяснить, что это было), мама топором ударила по ноге. Сестра (ей было в то время 9 или 10 лет), оставив меня с мамой, побежала в деревню за подводой (надо было везти маму в больницу).

Во время войны дети взрослели быстрее. Я сняла с мамы сапог, полный крови, под березкой накопала земли (тогда ведь экология была чище) и засыпала рану. И когда приехали за мамой, кровь я уже остановила. Я не знаю, кто меня научил, и никогда этого больше не делала.

Не помню: в этот год или другой мама серьезно заболела и ее отправили в больницу в город Омск. Это было, мне кажется, в июне. Помню только что плакала бабушка: не было продуктов, нечего было есть, нечего было отправить маме в больницу. Потом бабушка ушла в огород. Вскоре она вернулась повеселевшая: в руках она несла картошку с голубиное яйцо. Она посмотрела на нас с сестрой и как-то с грустинкой, но уже без слез, сказала: «Ну девчонки, мы теперь не умрем и матери передачу вышлем».

Не помню, какой это был год, но кому-то в голову пришла мысль выращивать в Сибири табак, и попросили этим заняться и бабушку. Пасынковать табак бабушка брала и нас. Тогда никто не говорил, что это вредно, все жили под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!» А табак нужен был для солдат. За это бабушке давали каждый день кусочек хлеба в три пальчика ширины и в пальчик толщины, то есть если от булки хлеба отрезать кусочек толщиной с пальчик и разрезать его пополам, половинку и давали бабушке, а она этот кусочек разламывала нам с сестрой. Вкус его, горьковатый, я помню и сейчас. В хлебушке было больше лебеды.

А еще я помню День Победы. Все бежали к дому с высоким крыльцом. Не знаю, клуб это был или правление, но именно на нем висела черная тарелка – репродуктор. Когда все услышали о победе, стоял в деревне рев. А потом женщины, на ступеньках крыльца, пели, и песни эти походили больше на плач. Этот плач и

стон и сейчас слышится в моих ушах и, кажется, отзывается в каждой клеточке тела перед Днем Победы. Для меня этот праздник, в прямом смысле этого слова, со слезами на глазах. Все годы в этот день дома я нахожусь одна. Никого не хочется видеть и слышать. Отец с фронта не вернулся.

В 1948 году мы получили извещение со страшными словами: «Без вести пропал!» – со всеми вытекающими последствиями.

В 1949 году мы из Тюменской области переехали в Асбест. А бабушка (мамина мама) шла пешком тридцать один день, она вела нашу кормилицу – корову. Мы бабушку встречали в районе современной пятой фабрики. Радовались и плакали.

Жить было трудно. На работу устроиться было тоже тяжело. На фабрики и на заводы (где платили побольше) мама устроиться не могла. Приняли только сестрой-хозяйкой в больницу. Зарплата 53 рубля. А нас вместе с мамой четверо. Наверное, с 1949 года нам с сестрой стали платить пенсию за отца, сначала восемь рублей, а потом – шестнадцать. А когда сестру в четырнадцать лет одна женщина взяла на работу, то 16 рублей стали платить мне.

Бабушка не получала ни рубля: за колхозную работу пенсию не платили, хотя работала дояркой, выращивала табак и болезнь заработала в колхозе – у нее очень болели руки и ноги. Видимо, она страдала от ревматизма: были вывороченные суставы, искореженные пальцы. Но я ни разу не слышала, чтобы она жаловалась.

Я не знаю, что мы не умели делать... Мы все вязали скатерти, покрывала, шторы, ведь у нас ничего не было, ткали половички, выкладывали ковры, шили ватные одеяла, не только для себя, но и на заказ. За заводом АТИ была свалка, куда отвозили бабины с оставшимися нитками и асбестовыми нитями. Там и собирали сырье для своей работы.

Я с шестого класса косила. А когда Хрущев запретил покосы, мама в речке жала камыш, вязала снопы, а мы с сестрой их относили домой. Камыш резучий, и по нашим детским ручонкам текли струйки крови. Было очень тяжело, но мы знали, что без коровы нам не выжить. Позднее вернули покосы.

Жили мы у людей во временке. А потом решили строить дом. Мама и ее двоюродная сестра валили лес на отведенной делянке, обрубали сучья, а когда выпал снег, бревна клали на санки, а бабушка, сестра, я и дочка маминой двоюродной сестры тащили их к месту, где строили дом. А потом в одно воскресенье пригласили людей помочь скатать дом. Это называлась помощь, деньги не платили: их у нас и не было. Помощников, конечно, угощали. А делали перегородки (дом-то строили на две семьи) сами, сами штукатурили, сами белили. Нашему счастью, казалось, не было предела.

Я не помню, чтобы кто-то унывал (то поколение, видимо, умело радоваться даже мелочам), у мамы и ее двоюродной сестры были хорошие голоса, и каждый вечер в доме раздавались песни.

Хотя у бабушки (она осталась 27 лет без мужа – он умер, всю жизнь была ему верна) и у мамы (она осталась с двумя детьми, мной и сестрой, 29 лет) жизнь была трудная, но они вспоминали почему-то только хорошее, а иногда, мне кажется, придумывали это хорошее и верили в него. Это были очень мудрые и сильные женщины.

Я очень хотела учиться, хотя, будучи школьницей, я болела (сказались военные годы). Бабушка, мама и сестра дали мне образование. Я окончила сначала техникум, а потом институт. Проработала в системе народного образования больше 40 лет. Награждена медалью «Ветеран труда». Получаю пенсию по инвалидности (я инвалид 2 группы).

На свою пенсию я не могу съездить туда, где служил отец, где жил перед войной, найти училище, где он окончил срочные лейтенантские курсы. Нас, видимо, очень много, детей военного времени, у кого отцы погибли или пропали без вести. Я ни разу не слышала, чтобы кто-то из депутатов или высокого начальства вспомнил о нашем поколении и поинтересовался о том, как же живется детям - полусиротам, у которых отцы погибли или пропали без вести, защищая Родину, кроме одного года, когда нам выдали ко Дню Победы по 200 рублей. Да и отец-то «не числится, не значит,

никаких известий нет». Я получала такой ответ отовсюду, когда разыскивала отца. Только из ЦАМО где-то в семидесятые годы написали, что умер в концлагере где-то на территории Германии. А вот где?..

Детство давно закончилось, но слово «безотцовщина» звучит в ушах по сей день. Я и училась в классе, где у детей не было отцов.

Всю свою сознательную жизнь я разыскиваю отца. Хотя бы могилу, куда можно было бы приехать и возложить цветы, почувствовать теплоту и сказать: «Здравствуй, папа!» Ведь до сего времени мне говорить это слово не приходилось.

Протопопова Н. Е.

*(По последним данным
Протопопов Евдоким
Романович находился в
германском лагере с 8
апреля 1943 года. Лагерный
номер – 4688; в Х...: 21252/
48. Источник информации
ЦАМО. Где находился этот
лагерь, неизвестно.)*

КОЛОСКИ У НАС ОТОБРАЛИ

Я, *Сысолятина Анна Андреевна*, родилась в Свердловской области, в городе Асбесте 10 мая 1931 года. Мой отец, Сысолятин Андрей Васильевич, 24 декабря 1898 года рождения. В октябре 1941 отца призвали в ряды Советской Армии, и служил он конвоиром – была какая-то колония заключенных в Асбесте, а 10 мая 1942 года его увезли на фронт. С фронта приходило несколько писем «треугольников». 26 июля 1943 года он погиб.

Мы жили: мама, брат, сестра и я. В конце 1942 года брат ушел на фронт. В 1943 году призвали и сестру, но через шесть месяцев ее комиссовали, и она вернулась домой (у нее был порок сердца).

Мы жили, как все в то время, очень трудно, но самый трудный год – 1943, а ведь в то время жили своим хозяйством – живность и огороды. Но в 1943 году был неурожай: очень сырое лето, все гнило, особенно картошка, приходилось выкапывать не клубни, а кисель тянучий. Мама все сушила, потом перемальывали, снова сушили, и мама делала лепешки, а еще ходили в лес, копали корешки (голубых колокольчиков), тоже сушили впрок, а зимой варили кашу, называли ее манной. Ели все, что можно было есть: крапиву, саранки, пиканы, пучки, медунки, клевер. Хлеба выдавали 150 или 200 граммов, а был он сырой, овсяный или кукурузный. Были какие-то продуктовые книжки, по ним иногда продавали рыбу, сахарин и какое-то почти черное масло, наверно, растительное. В школу ходила в первую, потом ее перевели, по-моему, в деревянную на улице Трактовой, а в здании первой школы был расположен госпиталь. Писали на старых книгах, а чернила делали из сажи, разводили молоком. А мы – дети. Как и всем детям, нам хотелось играть, а игрушками были куклы, сшитые из тряпочек, да стеклышки цветные (черепки от побитой посуды). Мы почему-то называли эти стеклышки – чечки. Играли с подружками в клетки, это как бы наши домики, пели и плясали, а матери смотрели на нас, подхватывали, а сами плакали.

Жили же голодно и холодно, дрова возили на себе, зимой на санках, а летом на тележке. Надумали мы, ребята, пойти на поля собирать колоски, взяли мешочки и отправились, насобирали, кто сколько нашел. Но понемногу в мешочках было, а дошли до Баженово и надумали ехать поездом в Асбест, забрались в товарный и ждем, а нас увидели и быстро сняли из вагона, к станции повели и заставили платить штраф. А чем мы будем платить? Они, эти дяденьки, отобрали у нас колоски и сказали, чтобы за нами пришли взрослые, но на наше счастье пришел старенький дяденька и отпустил нас. Шли мы домой усталые, голодные, а мамы наши больше нашего переволновались.

А в 1944 году пошла я работать в швейную мастерскую учеником, но без оформления, так как, видимо, нельзя принимать малолеток. Давал зарплату тот мастер, у которого работала. В сентябре 1946 года меня оформили как настоящего рабочего.

Вот и все мое «счастлирое» детство.

Сысолятина А.А.

Босоногое детство

Память будет хранить;

Ведь проходит сквозь сердце

Та хрустальная нить.

Материнские руки излучали тепло.

Тут же падали слезы –

Ожерелья стекло.

Письма с фронта желтеют,

Словно клена листья.

И в руках тяжелеют

Этой ткани холсты.

На солдатских могилах

Травы пышно цветут.

Вдовьи слезы, как вишни,

По щекам все текут.

Там, где вольно гуляют

Ветры бывшей войны,

Там враги помышляют

Строить планы свои.

И отцам нашим вечно

В братских землях лежать –

Преданно и сердечно

Их покой охранять.

И никто не повергнет

Святые слова:

«Память сердца не меркнет,

Память сердца – жива!»

Головина А.А.

9.12.2008

ПРАХУ ОТЦА ПОКЛОНИЛАСЬ ЧЕРЕЗ 66 ЛЕТ

Как описать мои детские, юношеские годы? Они, наверное, похожи у всех детей, чьи годы прошли во время Великой Отечественной войны и после. Родилась на Урале в 1937 году в семье колхозников. Мать – доярка, отец – разнорабочий в колхозе. Зимой работал на заготовке леса. В 1939 году на заготовке леса простыл, отнялись ноги. Пролежал три года. Чем только не лечила мама (со слов мамы), только богу известно! Только поднялся на ноги – война. 26 декабря 1942 года пришла похоронка. В моей памяти только один эпизод остался. Как его провозжали на лошади, запряженной в кошёвку, сзади держался мальчик, наверное, мой брат (ему было семь лет). А я стояла около окна на лавке, смотрела вслед, в последний раз, больше ничего не помню (было мне всего 4 года). Впоследствии говорили, что я очень похожа на отца. Фотография отца была всего одна. Когда у меня стали появляться фотографии, я часто сравнивала черты отца со своими. Искала сходство.

В октябре 2007 года с дочкой побывали на братской могиле отца. Поклонилась той могиле, которая приняла прах уральского солдата – защитника земли русской. Попросила прощения, что так поздно, через 66 лет, сумела приехать, что больше, наверное, не придется приехать.

Кончилась война, мать стала нам и за отца, и за мать. Работала на ферме без выходных, от зари до зари, благо, ферма была за нашими огородами, могла прибежать домой. Покормить нас чем-нибудь, летом прополоть огород, осенью выкопать картофель, ухаживала за скотиной: коровой, телкой, свиной, гусями, курами. Это все старались держать, ведь надо было сдавать государству. Мы рано стали помогать по хозяйству: дров напилить, наколоть (даже с корня пилила). Прополка огорода, можно сказать, на нас с братом была. Летом хорошо, кругом зелень. Мы сыты: крапива, лебеда, коневник, пиканы, в лесу можно найти морковь лесную, лук, на болотах кислянку. Весной березовка (у нас только березняк). Из коневника стряпали лепешки. Летом печи топили мало, эти лепеш-

ки сидят целый день в печке, к вечеру засохнут, более менее есть можно, пока не засохнут – противные. Есть-то хочется, вот и таскаешь их из печки. На полях собирали замерзшую картошку, что оставалась с осени, но чисто собирали ее, мало находили. Ее тоже запекали. Когда пошла в школу, начальные классы кормили, мама меньше переживала, ведь мы хоть один раз накормлены. Если вели убирать картошку с полей, тоже разрешали печь печенки, давали молока, шли с удовольствием не столько работать, сколько попить молока. С 5 класса мы уже работали на прополке пшеницы, ржи, овса, ячменя. Рвали осот, потом нам сделали маленькие литовочки, мы уже не склонялись, а ссекали осот. Летом тоже с голоду не помрем. Поспевали ягоды: земляника, голубяна, малина, смородина, боярка, колба, черемуха. Это все в лесах. Около домов росла рябина и сирень. Потом спевавали грибы. С покоса едешь, уже на грибницу к вечеру везешь. Зимой хлеб стряпали из тертой картошки, муки, сколько за год подсчитают, не хватает на зиму. Муки добавляли по горсточке. Одежда, обувь не по размеру. Носили обувь – обувка, сшитая из невыделанной кожи. Что было, то и надевали (называли лопотина), подвяжемся и на улице, бегать-то охота. В деревне школа – 4 класса, в 5 класс надо было ходить за девять километров, с осени походили, к зиме бросали, жить негде, да и кормежку надо какую-то, кроме картошки, – ничего, хлеб без муки. В 1951 году построили на 5 деревень деревянную школу в лесу на 7 классов. Классы сборные, любого возраста дети. Очень хорошо было поставлено занятие физкультурой. Любили ходить на лыжах, ездили в район на соревнования. Ездили на лошадях. В 8 класс уехала в район за 16 километров. Неделю живешь на квартире, в субботу к ночи домой. В воскресенье в 17 часов собираемся (училось нас 6 человек), идем ночью, ходить ночью опасно было, ходили волки. С 1952 года муки стали давать на трудодни побольше, в хлеб добавляла мама тоже больше, но все равно я мечтала о том, когда же наемся досыта настоящего хлеба. До сих пор живу по пословице: хлеб всему голова. В доме считаю, если есть хлеб, – это все, а остальное не так важно. Государство уменьшило налоги,

стало оставаться больше молока, яиц, что-то можно скопить, продать, купить какую-то одежду, обувь, да и с собой мать может дать какую-то копейку, купить конфет, сахару. Из дома брала только хлеб, картошку, зимой мороженое молоко. Мешок – на плечи и 16 километров пешком с вечера в воскресенье. Если уходим в понедельник, то в 5 часов утра: можем опоздать на урок. А зимой так заметет дорогу, еле дойдем, бывало 40 градусов мороза, но в школу надо, идешь в субботу домой, в воскресенье – в школу, так 3 года. В районе в школе нас зачислили в 8 «б» класс, все девочки в формах, видимо, там жили лучше, чем мы. А мы – кто в чем, 10 классов закончила в кирзовых сапогах. Все каникулы, зимние, весенние, летние, работала. В зимние, весенние – на ферме. Доярки работали без выходных, вот и просили подменить их, чтоб дома что-то сделать. Но я безотказная, да и заработать трудодней хотелось – помочь маме. Доила по 14 коров. Ну а летом – прополка, сенокос. Косить, на зарод подавать сено учили старшие. Летом бегали в клуб на танцы под гармошку, баян, под пластинки. После 10 классов мечтала быть учителем математики, но не получилось. Проработав в столовой колхоза, уехала в Асбест. С 14 февраля 1958 года работала на заводе АТИ. Проработала 35 лет. Вышла замуж, родила двух дочерей. Сейчас имею 4 внуков, 3-х правнуков. Помню голод, холод, а сколько песен было в деревнях не только в праздники! А сейчас приедешь в свою деревню, даже в праздник, – глухо, тихо, невесело.

Брызгалова Анна Ивановна

ДЕТИ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

В нашей семье было 9 человек. Мать с отцом и семь человек детей, самому младшему братику было 2 годика, я его очень плохо запомнила. А старшей сестре было 14 лет. Мама работала на фабрике, а отец работал на аэродроме, сторожил самолеты. Жили в двухкомнатной квартире. Младшие ходили в садик и ясли, старшие учились. Нам было очень тяжело, а когда мы стали подрастать, старшие пошли на работу, но их не очень брали на работу, так как лет было мало, да и ростом были малы. Отца я очень плохо помню, днем мы были в садике, а по ночам он дежурил на аэродроме. Помню, когда я болела, он мне клал в кроватку гостинцы. На войну он ушел в 1941 году, а в 1943 пропал без вести. Мы его долго ждали с войны. Игрушек у нас совсем не было, только мама шила нам куклы из тряпок, а на улице играли стекляшками да палочками. Мама у нас была мать-героиня. С одеждой и с обувью у нас тоже было трудно. Я помню: мы с младшей сестрой все лежали в постели, зимой было очень холодно, окна были все замерзшие, покрылись «шубой». Мы с сестрой все смотрели на потолок и читали на нем буквы (потолок был оклеен газетами), и ждали, когда придут взрослые. Мама приносила в бидончике суп, разбавляла водой, чтобы нас накормить всех.

Бомбить, правда, не бомбили, а самолеты часто пролетали так низко, что их было видно хорошо. Они искали все военные заводы, а у нас в городе была только легкая промышленность. Было очень тяжелое время, хлеб получали по карточкам, пока его не сешь, так по всем краям общиплешь. Помню, как мы с сестрой ходили на Пасху по домам и просили милостину, нам не все подавали, которые говорили, что Бог подаст.

Ходили также в столовую и ждали, кто не доест, то мы тут же подьедали. А еще один раз мы были в столовой, и нам с сестрой дали пюре картофельное, а оно пахло керосином, сестра съела все быстро, но я не смогла есть. Осенью ходили по полям, собирали картошку, а весной тоже ходили собирать, но только мерзлую,

и из нее стряпала я сама лепешки. И относила их маме и сестре на работу, а через проходную не пропускали, тогда я ждала, когда тетя откроет ворота, и я в это время пробегала.

*Шаповалова Алевтина Сергеевна,
дата рождения 11.03.1935,
г. Вичуга Ивановской области.*

СТРАШНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Я, Мальцева Надежда Николаевна (девичья фамилия Власова), родилась в Горьковской области в 1936 году 8 мая, а потом в 1938 году нас перевели в Костромскую область, так что у меня два свидетельства о рождении. И в настоящее время я уроженка Костромской области, Мантуровского района (ныне он город Мантурово) Подвижалихинского сельского совета деревни Высоково. Проживала я там с 1941 по 1945 год.

Отец, Власов Николай Макарович, 1903 года рождения. Его призвали на войну 8 мая, как раз я была именинница. Я хорошо помню, как он держал на руках меня и сильно плакал, видимо, прощался навсегда. Это было в 1941 году. Он не вернулся: «пропал без вести». Мама делала очень много запросов после войны, но ничего не могла найти. Работал отец до войны в деревне бригадиром, потом кладовщиком, отцом он был хорошим.

Мать, Власова Анна Ефимовна, 1902 года рождения. Она без мужа осталась в 1941-1945 годах и до конца своих дней была верна мужу. У неё было трое детей (с 1931 года, 1936 года, 1938 года) и двое престарелых родителей (папины – мама и папа, с которыми она прожила до их смерти). Все ждала моего папу, авось, вернется. В 1984 году ее не стало.

Делала всю колхозную работу. Осталась я после папы пяти лет, жили плохо. Мама поднимала нас, как могла, сама не доедала, нам отдавала, ну, мы все вместе весной ходили собирать гнилую картошку и пекли лепешки, которые казались вкусными. Осенью ходили собирать колоски хлебные, мололи зерна на жерновах, мелкую образовавшуюся муку просеивали, после помола собирали, а там еще получалась крупа, из которой варили кашу с добавкой картошки.

Помню, мы собирали головки от клевера, их сушили, а потом мешали с мукой, которая просеивалась, и пекли хлеб. Самое трудное время было: за работу в колхозе начисляли трудодни, на которые очень мало получали хлеба (зерна). Карточек паевых у нас не

было. Если была корова, то надо государству сдавать энное количество молока (нам почти ничего не оставалось), если были куры – сдавали яйца, а еще если были лишние яички, то их складировали или копили их за неделю, а в субботу или воскресенье несли их на базар, который находился в 20 км от деревни, и продавали, а на вырученные деньги покупали в районе хлеб и несли домой – обратно 20 км. Машин у нас почти не было, ходили пешком. Энергии не было, покупали керосин, наливали в трех- или пятилинейные лампы. Зажигались лампы редко, экономя керосин, сидели больше всего в полумраке. Уроки готовили, когда топилась печь, около маленькой печи, которая, обогревала дом, лежа на полу. А когда дрова кончались (это было в зимнее время года), и не на что было купить керосин (не было денег), мы ложились в сырую холодную постель, прижимаясь друг к другу. Были очень суровые холода.

Детства, считаю, не было, но все же чему-то мы радовались: игрушки шили сами из каких-то лоскутков, красили чернилами глаза, нос, рот, из льняной кудели приделывали волосы кукле. Работали всю войну летом в поле вместе с мамой. У нас выращивали лен, осенью его надо вырвать, складировать. А зимой матери ходили этот лен мять на льномялках, превращая в мягкую куделю, потом отправляли куда-то за пределы деревни. Говорили: государству. Из льняного семени делали льняное масло, иногда мать давала нам блюдце масла, чтоб мы кусочки макали и ели, – все было вкусно.

Деревня у нас была маленькая, всего 20 домов, стояла она на берегу реки Унжи, это приток Оки. Весною она была судоходная, как помню, мы очень ждали первого парохода, река небольшая, по ней сплавливали лес. Мы, маленькие дети, ловили сухие бревна для зимы и прятали, чтоб не нашли лесничие (это было подсудное дело). Из деревни я уехала в Асбест в 1955 году, где и живу по сей день. Все не опишешь.

Мальцева Н.Н.

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ БРАТ ЗАНИМАЛСЯ ХОЗЯЙСТВОМ

Мои родители – Любовь Ивановна и Иван Николаевич Зыковы. Жили в Кировской области, в селе Лом Яранского района. Отец ушел на войну в 1941 году летом, когда мне только-только исполнился год. Перед отъездом, а может быть и в день отправки на фронт, нас, детей, сфотографировали для отца (фотограф в г. Яранске за 15 км от села). Нас осталось с мамой четверо детей: три брата и я. Старшему Леле было 12 лет, среднему Вене – 10 лет, младшему Толе – 4 года, а мне – 1 год. Я, конечно, не помню, но из рассказов мамы, папа нас очень любил, а особенно меня – единственную дочку, но был строг с братьями. Мы все были очень дружны. Братья любили меня, но нянчиться все равно не хотелось. Бывало, бабы идут с ближнего поля домой мимо нашего дома, а там, в самодельной деревянной тележке на деревянных колесиках (это Веня смастерил) спит маленькая девочка, вся облепленная мухами. Пожалуют бабы, кто-то снимет платок с головы и укроет от мух. Мальчишки убежали на речку или по другим важным делам. Они были добытчиками еды – корма. Ловили рыбу, собирали в лесу ягоды, грибы, чтобы на зиму заготовить. Как только я себя помню, мы кормились «подножным» кормом. Рано весной, пока земля не полностью оттаяла, мы, босые (не было обуви), ходили на колхозное картофельное поле и собирали оставшийся с осени гнилой картофель. Из него мама пекла хлеб. Весной ели крупянки, еловые и сосновые, подорожник, ягель, полевой хвощ, щавель, каши клевера и прочую траву. От такой еды часто болели животы. А когда нечего было есть, то жевали соскобленную с ели или сосны смолу, молодые ветки деревьев, лишь бы что-то жевать. Я, сколько себя помню, все время хотела есть. Средний брат самый деловой был, с 10 лет занимался хозяйством. У нас была корова, теленок, овцы, куры. Молоко от коровы доставалось только мне, как самой меньшей. После дойки мама давала попить парного молока. Мяса было по чуть-чуть в супе, и то по большим праздни-

кам. За все, кого мы имели во дворе, с нас брали, без всяких скидок, продналог. Да столько, что в семье почти ничего не оставалось. Все для фронта, все для победы! Хлеб с добавлением муки мама пекла только для нас малышей, а потом и только для меня. Я же помню, что никогда кусочек не съедала одна, а делилась с младшим из братьев. В основном все ели хлеб из отрубей, крапивы, лебеды и прочей травы. Мама с раннего утра и до позднего вечера работала в колхозе, а потом братья старшие (как исполнилось 12 лет). Работали за трудодни, а осенью на них почти ничего не доставалось, так как был план Госпоставок по зерну, мясу, молоку, дровам. План надо было выполнять (а председатель, передовик хренов, старался и перевыполнять). Зимой на заготовке дров работали женщины и дети, в том числе и мои два брата и мама.

До нового урожая не хватало даже картошки, так как она, милая, и спасала нас от голода в зимние дни. Скот кормили соломой, даже прошлогодней, правда, мама еще что-то добавляла, чтобы они ели и не умерли. Я не помню маминой улыбки, а только вздохи и слезы. Часто говорила: «Ох, ребятушки, как дальше жить будем?». Собственные огороды были большими, но не всегда было чем их засеять и засадить. Сажали в основном картошку, а кому посчастливилось достать ячменя (видимо, неприхотливый), то сеяли его. У нас в селе тоже был (как по Шолохову) «благодетель Лукич», по имени Алексей Петрович, – кладовщик зернового склада и председатель ревизионной комиссии. Так он весной из собственного амбара давал маме и другим на посев зерна, чтобы осенью отдали вдвойне. Мама была очень благодарна ему и об этом говорила: «Что бы мы, ребяташки, делали, если б Петрович не дал зерна?». Вот так! Зато было что зимой смолотить на деревенской ветряной мельнице и сколько-то иметь собственной муки. Электричества в деревне не было. И все работы производились вручную, начиная с посева и кончая уборкой урожая. Обязанности по уходу за своим огородом и домом были возложены на нас с младшим из братьев, как только нам исполнилось, может быть, по 5-6 лет, и мы могли достать воду из колодца. Мы старались, чтобы порадовать маму.

Но она почему-то не радовалась, а только хвалила нас. Теперь-то я понимаю почему! Мои братья начали работать, не успев вырасти в полный рост, в 12 лет. А спрос с них был в колхозе как со взрослого мужика. Колхозные работы были на первом месте. На своем огороде можно было начать уборку только после окончания колхозных полевых работ, а иначе руководство налагало штраф в 5-10 трудовых дней. Мама наша была бригадиром (вместо ушедшего папы), депутатом сельсовета и никогда не позволяла нарушать колхозных приказов. За труд и активную общественную работу ей присвоили звание «стахановец», а после победы – наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Мы любили свою маму и гордились ею. Я из маминых рассказов знаю, что во время войны в селе не было лошадей. Пришла пора пахать поля, и в плуги впрягали быков и даже коров, а за плугом – женщины. Сеяли вручную, разбрасывая зерно из лукошка, идя по свежеспаханному полю. Мама наша всегда все должна была уметь и мочь, и быть впереди всех. Такое было у нее правило. Какое было счастье, когда старший брат пошел учиться на курсы комбайнеров, и им давали паек на неделю – буханку черного хлеба. Эту-то буханку он приносил домой для младшей сестренки. Какой был вкусный хлеб! Прежде чем есть, я долго нюхала – очень вкусный был запах. А братик с собой брал домашний хлеб с травой.

От папы было только одно письмо. Просил маму, чтоб берегла детей, а сыновьям наказывал беречь маму. К сожалению, я его так и не прочитала, хотя мама хранила этот треугольничек в укромном местечке. В связи с множеством переездов и не очень приятных обстоятельств папино письмо пропало.

Уехали мы из деревни к тете в город Асбест в 1950 году тайно. Оставив дом и все в нем, а взяли только самое необходимое, что поместилось в два небольших деревянных чемодана. Паспорт мама каким-то образом получила в другом районе.

Козинец (Зыкова) Валентина Ивановна

11.04.2009

ОТ ОТЦА ПРИШЛО ВСЕГО ДВА ПИСЬМА

Я, *Богданова Людмила Васильевна*, родилась 28 декабря 1941 года. Мой отец, Здоров Василий Иванович, ушел на фронт в сентябре 1941 года. От него пришло в начале войны всего 2 письма, и больше писем не было. А известие о том, что он без вести пропал, пришло после окончания войны. Жить, конечно, было трудно, но, слава богу, была жива бабушка, да и у мамы умелые руки. Она прекрасно шила, готовила, вязала. Ходили такие, как она, женщины по деревням, обменивали товар, то есть занимались «бартером». Так что голодать – не голодали. Город Горький, откуда я родом, не был оккупирован немцами. Только 2 раза немцы сбрасывали бомбы – цель их была автозавод.

Лично мне жаловаться на судьбу – грех. Мне жилось лучше, так как мама в 1946 году вышла замуж. Отчим, Тюрин Александр Сергеевич, был прекрасным человеком. И я ему очень благодарна. Вот о его судьбе стоит рассказать. Родился в большой семье в городе Александрове, деревня Камешки. Прошел и финскую, и отечественную войны. Побывал в плену. Вот это я сама хорошо помню: как приезжал «черный воронок» и увозил его на допрос. Допрашивали как и при каких обстоятельствах попал в плен. Помню, когда отец приезжал с допроса, долго молча лежал, повернувшись к стене, а возили его не раз и не два, не помню, сколько, но только оставили в покое. А вот земляка одного посадили на 25 лет. Был отчим кристально честен и справедлив. И если мы с сестрой что-то делали не так, спокойно спрашивал (до сих пор помню): «Где же ваша гражданская совесть?». Мама наказывала и шлепком, и веником. Хотя отчим не был в партии, верил, что будто на местах «творят», до верхов не доходит. С 4 класса он дошел до начальника снабжения. И несмотря на это, даже гвоздя не посмел принести в дом, даже когда строились. В то время таких было большинство, поэтому войну выиграла, верили и защищали страну.

В Асбест я приехала в 1967 году по комсомольской путевке на строительство города.

Богданова Л.В.

О СЕМЬЕ РОМАНОВЫХ

До начала войны наша семья жила в небольшом доме в деревне Баженово Белоярского района Свердловской области. В семье уже было пятеро детей.

Отец, Романов Петр Митрофанович, работал кузнецом-молотобойцем в колхозе «Красный Октябрь». Перед самым началом войны отец был направлен руководством колхоза на ВДНХ в город Москву по обмену опытом. С выставки домой добирался почти два месяца, так как началась война и в стране была общая неразбериха.

Работая в колхозе, отец неоднократно обращался в райвоенкомат за повесткой на фронт и только в июне 1942 года был направлен добровольцем на Калининский фронт в танковую часть, где воевал три месяца. 10 августа 1942 года в жестоком бою отец погиб от попадания в его танк фашистской авиабомбы.

И наша семья, пятеро детей и мама осталась без кормильца. Сейчас трудно вспоминать, как мы выжили. Старшая сестра Валентина была нам как вторая мама. Мама, Мария Кузьмовна, день и ночь работала в колхозе, а Валюша кормила нас. Мы копали мороженую картошку, собирали колоски – этим и питались. Крапи-

ва нам заменяла капусту, хлеба не было вообще. Все работы по дому и огороду были на наших детских плечах.

В 1946 году старшая сестра Валентина по путевке райвоенкомата была направлена в РУ № 12 города Асбеста, где училась на слесаря, а через год брат Евгений тоже поступил в это же училище. Валя и Женя на выходные дни приезжали к нам в деревню и привозили кусочки хлеба, которые экономили за неделю из своего продовольственного пайка. Эти хлебные кусочки для нас, младших детей, были как тортики.

В 1947 году наша семья переехала в город Асбест. Мама работала техничкой в общежитии училища, где нам выделили небольшую комнату для жилья. Работы у мамы было много, длинные некрашенные коридоры я мыла вместе с мамой. Мама привязывала к моим ступням железные терки, и я, держась за табурет, оттирала пол от грязи. И так с утра до вечера работала вместе с мамой. Средняя сестра Люба с ранних лет ушла в няньки, жила у чужих людей.

Наша мама была очень суровый человек, наказывала нас за любые провинности, даже если мы были не виноваты. Помню такой случай, еще в начальных классах наш директор школы попросил маму зайти к ней. Мы с братом Виталием боялись сказать маме, что ее приглашает директор школы. Но все равно пришлось говорить, после чего мы были наказаны ухватом и голодом легли спать. А на следующий день директор вручил маме две Похвальные грамоты и поблагодарил за успехи в учебе и хорошее воспитание детей, так как я вместе с братом училась на «хорошо» и «отлично».

Всю жизнь наша большая семья была очень дружной, все мы рано ушли в люди, помощи ниоткуда не ждали, надеялись на свои силы. Старшая сестра Валя работала на военном заводе № 1 шлифовщицей, все остальные братья и сестры работали на асбофабрике № 4 с момента ее пуска. Вся наша семья вышла на пенсии с предприятий ОАО «Ураласбест».

Так уж сложилась наша нелегкая жизнь, что мы не смогли посетить могилу отца. Хочется на старости лет побывать на братской

могиле отца, в деревне Ульяново Зубцовского района Тверской области и поклониться его праху. Мы всегда помним его, и он в наших сердцах.

Младшая дочь:

Сыромятникова-Романова Лидия Петровна

Старшая сестра:

Разуева-Романова Валентина Петровна

Братья: Евгений Петрович, служил в г. Калининграде,

Прибалтийский фронт, морская пехота (3 года),

Виталий Петрович служил

в Германии в г. Котбус пять лет, старшина

ПУТЬ К ЗАХОРОНЕНИЮ ОТЦА РОМАНОВА ПЕТРА МИТРОФАНОВИЧА

На могилу отца в деревню Ульяново Зубцовского района Тверской области я, моя сестра Валентина, мой сын Сыромятников Юрий Анатольевич, выехали на своей машине 13 мая 2009 года. Добирались трое суток. Проехали через Башкирию, Татарию, Чувашию. От поездки получили много незабываемых впечатлений, увидели, какая красивая наша земля, красивые Уральские горы, холмы в районе Московского округа. Какие у нас степи, бескрайние поля, а леса – просто сказочные.

Вот за эту красоту погибали наши отцы, деды, братья и сестры, то есть за Родину. Проехали по многокилометровым мостам через большие реки: Волгу, Каму, Вятку, Белую.

В деревню Ульяново приехали поздно вечером, нашли председателя поселкового объединения – главу администрации Ульяновского поселения – Костину Любовь Борисовну. Молодая обаятельная женщина приняла нас в своем доме и устроила на ночлег. Утром пошли на место захоронения. Это братское захоронение из 28 поселковых объединений. Стоит гипсовый монумент «Солдат с венком в протянутых руках». Слева и справа колонны с фамилиями погибших воинов. Перезахоронение сделано в 80-е годы прошлого столетия. У надгробия – вазы для цветов, приспособления для венков (все обнесено оградой). За оградой на специальных стендах фамилии воинов деревень этой местности, погибших и умерших от ран.

Мы возложили живые тюльпаны и нарциссы, рассыпали землю, привезенную с родины отца. Сфотографировали место упокоения отца, взяли землю с его могилы. Через сутки выехали в Асбест. Было холодно, все время шел дождь, поэтому задерживаться не могли. Обратно ехали более коротким путем, на ночь останавливались в придорожных отелях, питались в кафе. Поездкой остались довольны. Благодарны за теплый прием Костиной Любви Борисовне. В 80-е годы на могилу приезжала из Сибири племянни-

ца одного из воинов, и больше никто не был. Мы были вторыми.

За могилой ухаживают школьники. Три раза в год проходят торжественные мероприятия: в День Победы, День освобождения края, День захоронения в братскую могилу.

Дочери погибшего:

Сыромятникова Лидия Петровна,

Разуева Валентина Петровна.

Внук: Сыромятников Юрий Анатольевич

ВОСПОМИНАНИЯ ПУРГИНОЙ ГАЛИНЫ ИВАНОВНЫ

Родилась я в 1932 году в городе Асбесте. Помню этот маленький довоенный городок с деревянными тротуарами. Самые высокие здания были в два этажа. Обычный мирный городок, каких тысячи в нашей стране. Росла я в рабочей семье. Отец работал мастером в шахте «Изумрудные копи». Мама – домохозяйка, вела хозяйство и воспитывала нас троих детей – все девочки.

Все жители города мирно трудились и умели культурно отдыхать. В городе был красивый Дворец культуры. Летом в выходные дни на берегу реки Рефт проводились массовые гулянья, на импровизированной сцене устраивали концерты, играл духовой оркестр.

Но все это благополучие вмиг закончилось 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война! Все изменилось. Каждый день из города уходили люди на фронт. 31 августа 1941 года ушел на фронт наш отец, Панов Иван Сергеевич. Провожали мы его всей семьей. Сбор был на площади у клуба имени Кирова. Мы называли его Кировка.

Изменилась и наша личная жизнь. В городе, как и во всей стране, ввели карточную систему. По этим карточкам можно было получить только хлеб по 400 граммов на неработающих, в дальнейшем норму снизили до 300 граммов.

В город прибыл эвакуированный завод Асботехнических изделий. Разместился он в помещении Дворца культуры. А второй участок завода занял в городе новое здание, построенное для Горсовета. В школе и ремесленном училище были открыты госпитали, где лечили поступающих с фронта раненых воинов.

Все мужчины ушли на фронт, все заботы и работы легли тяжким бременем на хрупкие плечи женщин – наших мам. И у нас, детей, были свои обязанности по дому, по хозяйству. Мы жили в маленьком поселке Черемша. Домик наш обогревался печкой, и зимой нам приходилось возить дрова из леса на санках. Занятие

не из легких тянуть по снегу этот возок, который так и норовит развалиться. А хватало этих дров только на одну неделю. Летом помогали маме обрабатывать огород, заготавливать сено нашей короле Майке. Она была нашей главной кормилицей, и мы всей семьей заботились о ней. Молоко было хорошим подспорьем к маленькой пайке хлеба. А основным продуктом питания был картофель, выращиваемый на огороде. Лето 1943 года выдалось дождливым, и весь урожай картофеля сгнил. Пришлось затянуть потуже пояса, все время хотелось кушать.

Мама брала вещички из своего гардероба и отвозила их в близлежащие деревни. Взамен привозила на санках ржаного солода (из него варила «кулагу») и немного гороховой муки. Варили гороховый кисель, и если удавалось достать растительного масла, то это был настоящий «деликатес», по крайней мере, так нам казалось в то время.

Нечасто почта приносила нам солдатские письма – треугольнички. Как мы их ждали! В начале 1942 года писем долго не было. А в феврале месяце к великой нашей радости пришло письмо из города Иваново. Папа был ранен и лечился в госпитале в этом городе. После лечения снова в строй, а для нас опять тревожные ожидания писем с фронта.

После госпиталя папа воевал на Калининском фронте, защищал эту землю, был убит 18 сентября 1942 года осколком в голову.

Узнали мы о его гибели 11 октября 1942 года. Это был день рождения нашего отца. Ему исполнилось бы 39 лет. В этот день мы получили страшную весть. Пришло письмо от командира отделения. Он сообщал, что наш отец пал смертью храбрых в бою с немецко-фашистскими захватчиками. Было еще письмо от друга отца, он сообщил эту же весть и прислал нам наше семейное довоенное фото, которое папа носил в нагрудном кармане. Фото было залито кровью. Через две недели маму вызвали в военкомат и вручили похоронку. Фотографию эту я свято храню. Кровь давно стерлась, пятно выцвело и стало бурым, но я знаю, что это кровь моего отца. И письмо командира я тоже храню. Тетрадный листок от времени

пожелтел, обветшал, буквы, написанные командиром, полустерлись, но я свободно читаю его, потому что знаю его содержание наизусть.

Каждый год наша семья 11 октября отмечает день памяти отца, деда и прадеда, который так рано ушел из жизни, защищая нас и нашу Родину. Захоронен наш отец в селе Пашино Зубцовского района Калининской области. Эта благодатная русская земля приняла своих сынов – защитников. В ней нашли они свой вечный приют. Жаль, что не дожил отец до конца войны, до радостного Дня Победы.

Для нас, как и для всей страны, это была великая радость, но радость эту омрачало чувство скорби и печали по погибшим.

Ни одна наша семья понесла такую тяжелую утрату. Хочется верить, что такая кровопролитная война никогда не повторится, и нашим детям, внукам и правнукам не придется пройти через этот ад.

Хочу выразить свою благодарность женщинам-организаторам Асбестовского филиала Свердловской региональной общественной организации «Память сердца». Они напомнили миру о детях войны – детях, которые выросли в семьях, где не было рядом крепкого надежного отцовского плеча, на которое можно было бы опереться в трудную минуту.

Пусть помнят о павших героях их дети, внуки, правнуки. И пусть слова: «Никто не забыт и ничто не забыто» – не будут просто словами.

Вечная память защитникам Отечества!

*Пенсионерка Пургина Галина Ивановна,
дочь погибшего солдата Панова Ивана Сергеевича*

ЗА КОЛОСКИ ОСУДИЛИ

Во время войны наша семья жила в Кировской области Кильмезском районе, в деревне Большая Дубрава. Отец, Лялин Алексей Федорович, ушел на войну в сентябре 1941 года. Мать, Лялина Мария Яковлевна, работала в колхозе, воспитывая пятерых детей. Старшему брату Георгию было 11 лет, младшей сестре – один месяц.

Отец писал редко. В 1943 году, находясь на лечении, был дома один месяц. В 1944 году погиб под Сталинградом.

Мы питались за счет того, что держали корову, овец, кур. Государству сдавали по 220 литров молока, а также сдавали мясо, шерсть, яйца, картофель, сырой и сушеный.

Начиная с ранней весны, по снегу мы шли в лес, рубили мелкие сучки, пилили дрова вручную. Дрова заготовливали для школы, конторы, для скотного двора и для своей семьи.

Перед посевной вывозили навоз на поля. Женщины из конюшен накладывали его нам на сани, а мы, ребятня, возили его в поле: кто на лошадях, а кто на быках. Во время посевной дети боронили вспаханное поле. Пахали даже на своих коровах. Единственный трактор пахал под зерновые. В деревне было всего две лошади, которые не были годны для фронта. Женщины на себе боронили поля. Картофель садили все, даже дети. В это время в школу не ходили. Дальше начиналась прополка сорняков, затем – сенокос.

Сено для колхоза ворошили граблями, мальчики возили сено, а мы маленькими вилами складывали его копны.

Для своей коровы сено заготовливали ночью или в непогоду, когда шел дождь. На ногах, и зимой и летом, были лапти. Зимой снег стяхнем, попрыгаем, чтобы согреть ноги.

Ели клевер, липовый лист, лебеду. Хлеб из печи доставали чергой. Он весь разваливался. Чтобы этого избежать, хлеб выпекали на блюдах. Хлеб был черный, как уголь, мы его ели, так как всегда хотели есть. Все: мясо, молоко и прочее – сдавали государству.

После сенокоса вручную сеяли рожь. Нас, ребятешек, посылали в поле собирать колоски, которые сдавали в колхоз.

Одна колхозница, у которой было семеро детей, принесла колоски домой. За это ее осудили, но вскоре выпустили.

Дети ходили дергать лен, ходили босиком, берегли лапти. Чтобы купить новые лапти, надо было продать какие-то продукты.

Молотили вручную. Мы, дети, гоняли лошадей по кругу, а затем отгребали зерно. Веяли его тоже вручную. После молотбы начинали трепать лен. Зимой женщины пряли его и ткали. Из ткани шили штаны, рубахи, платья, юбки, фуфайки. Только после окончания всех работ мы шли в школу.

В Асбест я приехала в 1952 году к дяде. Мне было 16 лет, стала работать няней в яслях. Затем открылись курсы медсестер, я училась два года, а затем стала работать в роддоме, где проработала 45 лет, а общий стаж – 50 лет. Я труженик тыла.

Брат Георгий служил 5 лет в Морфлоте, работал на заводе АТИ. Второй брат – электрик, столяр. Младшая сестра окончила финансовый институт, сейчас живет в Нежинске в Подмосковье. Сестра Анна работала на заводе АТИ, живет в Асбесте.

Лихачева Нина Алексеевна

9 апреля 2009

В ДЕРЕВНЮ НИКТО НЕ ВЕРНУЛСЯ...

Я, *Грибановская Нина Серафимовна*, родилась 5 июля 1940 года. По словам моей мамы, я была последней и очень долгожданной дочкой, которую еще до рождения называли Ниной.

Была старшая сестра Тамара (с 1932 года), дочка Валя, братишки Леня и Вова. Все мы родились в деревне Верещагино Очерского района Пермской области, папа тоже родом из этой деревни. Маму он привез из села Галактионово, город Чистополь. Папа работал в пожарной охране в поселке Павловск, в двух километрах от нашей деревни, а мама – в колхозе.

Мама говорила, что папа воевал на финской войне и домой пришел раненый. Но в мае 1941 года он вновь ушел на войну, когда мне было 11 месяцев. Осталось нас пятеро у мамы.

Мы жили в нашем доме с дедушкой (отец папы), жена у него умерла рано. Дед был очень строгий, и мы его даже боялись. Когда Тома была уже взрослой девушкой и уходила в клуб или мама задерживалась у подруг, он закрывал двери на крючок и не пускал в дом, тогда кто-нибудь из детей тихонько выходил в сени и открывал. Но дедушка помогал нам выживать: заготавливал грибы, солил, сушил, носил ягоды из леса, помогал по дому. Тома ему всегда помогала.

Мама работала, сеяли, пахали, веяли зерно, сдавали, возили на станцию за 35 километров. Возили на лошадях, на телегах в мешках, сами грузили, разгружали эти мешки. Косили и жали, и молотили, и работали на свинарниках и на коровниках, и на овощных полях – и все это женщины. От зари и до зари.

Тома, когда подросла, тоже работала, пасла свиней, пололи и сено гребли, и капусту садили на полях – везде были нужны руки. Дома тоже держали корову, кур, надо было кормить, доить. Но все сдавали на приемные пункты в деревне: молоко, яйца, мало что оставалось самим. Картошка у нас была, но хлеба не было никогда и сахара тоже.

Потом от болезни умерли Валя и Леня, спасти их не удалось. И осталось нас только трое. Тома помогала дедушке по дому, а в основном возилась со мной. Зимой, когда не было полевых работ, вывозили на поле навоз, ездили за дровами в лес, маме было полегче. Собирались у кого-нибудь в избе, мама брала меня с собой. Женщины чинили мешки под зерно и пели, и пели песни. Задушевные, грустные. Когда я уже повзрослее была, запомнила, какие песни пели: «про ямщика, который замерз в степи», «...посеяла огурочки...», «...жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда...» и другие. Но только эти вечера подарили мне любовь к песне на всю мою жизнь.

По окончании войны в деревню почти никто не вернулся. От папы с мая, когда он ушел, мама не получила ни одной весточки, ни одного письма до конца войны. И только в 1946 году пришло извещение «без вести пропал».

Тома в 1947 году пошла учиться в ремесленное училище. Брат Володя погиб. Произошел несчастный случай. Они с ребятами возили картошку с полей. Разожгли костер, поставили в костер трубу железную, залили ее водой и вставили пробку сверху. Ребята все стояли у костра. Вода закипела в трубе, пробку выбило, и прямо Вове в голову прилетела эта пробка. Даже в фуражке у него были мозги. Мама враз поседела, как пережила – не знаю.

Той осенью я пошла в школу, которая находилась в двух километрах от нашей деревни. Надели на меня туфли брезентовые, сумку сшили из холста, надели на меня цветную ситцевую кофту сестры. Положили в сумку хлеба, намазанного комбижиром. Так мы и ходили каждый день в школу и обратно, было очень холодно, зимой особенно. Одежды теплой, конечно, не было.

Тома уже закончила учебу в училище и стала работать на заводе в Павловске, где была наша школа. Познакомилась с парнем Костей, который работал электриком в нашем колхозе. В деревне нашей жил цыган, он не работал в колхозе, а подшивал валенки людям. Однажды он попросил Костю принести ремень (привод с лесопилки), уговорил парня, доверчивого и скромного.

Всем стало понятно кому он подшивал валенки, увидели, что это был ремень с лесопилки. Это было в 1948 году. Костю посадили на 5 лет. Он отсидел 3 года, его досрочно освободили, так как он куда-то кому-то писал прошение. Тома его дождалась, и они потом поженились.

Позднее у нас заболел дедушка. Ему уже было 80 лет. Он позвал из сельсовета секретаря и попросил написать завещание на дом, в котором мы все жили, брату нашего папы, дяде Яше, который жил в Перми. Через полгода он приехал (дедушка уже умер) и продал нам с мамой наш дом. Мы в то время все продали, что только можно: и кровати, одежду свою, что было, даже матрасы, посуду, заняли еще денег и отдали ему тысячу рублей за наш дом. В то время это были очень большие деньги. Мама говорила мне, что в этом доме с дедушкой мы прожили двадцать пять лет.

ОТЕЦ ПОГИБ ПОД ЛЮБАНЬЮ

Перед войной семья жила на Кирилловском кордоне. Отец, Сухарев Фрол Иванович, работал лесником. Он родился в 1903 году в деревне Ряпосово под Асбестом. Призван в ряды армии 6 декабря 1941 года. Из последнего письма, пришедшего в мае 1942 года, узнали, что он воевал пулеметчиком на Ленинградском фронте, где и погиб под Любанью.

Мать, Сухарева Парасковья Артемьевна, после ухода отца стала работать лесником. Детей в семье было пятеро: Галина (1927 года рождения), Иван (1929 года рождения), Анатолий, Нина, Валентина. Анатолий и Валя умерли перед войной. У нас в семье жила чужая бабушка, которая нас воспитала. Она была монахиней, звали ее Васса-Виринея. Жила она в нашей семье до своей смерти.

Во время войны переехали в Асбест, на вырученные от продажи картофеля деньги купили дом на улице Строителей, 1. В хозяйстве были лошадь, корова, другая живность.

В 1944 году мать вышла замуж за раненого фронтовика Трифонов Федора Петровича. Он остался в Асбесте после лечения в госпитале, а воевал тоже под Ленинградом. Федор Петрович умер в 1971 году оттого, что все тело его было в осколках. Работал он в милиции.

Моя сестра Галина закончила фельдшерское отделение медучилища, 42 года заведовала детскими яслями. Брат Иван закончил Асбестовский горный техникум, работал на Магадане. Я закончила кулинарное училище. В 1952 году вышла замуж, воспитала четверых детей. Работала в Орсе, девять лет прядильщицей на заводе АТИ, откуда вышла на пенсию. Работала еще в химчистке, контролером в кинотеатре «Прогресс», постоянно занималась общественной работой. Общий трудовой стаж 34 года. Оба моих отца были добрыми, воспитывали нас в том же духе.

В 2008 году я съездила на могилу отца в город Любань под Санкт-Петербургом. В братской могиле захоронено двенадцать тысяч

воинов. За могилами ухаживают школьники. Они же летом ведут раскопки на местах боев, поднимают останки воинов. Любановские дети передали письмо асбестовским школьникам с приглашением принять участие в раскопках.

Казакова Нина Фроловна

Я не знала, что, выйдя на войну,
Года не было мне в то время,
Похоронка пришла из под города Ржев,
И на маму легло это бремя.

Мама нас обняла, сиротинок своих,
Как теперь ей справиться, не знала,
Только волею судьбы встал в кулак,
Трудно будет, она понимала.

День Победы настал, радость всех обошла,
Только маме думалось о маме,
«Не придется ли расставаться с вами», —
Со слезами так говорила.

Только мама моя обо всем постаралась,
Четверых полных все ребята прошла,
Все прошло, а это трудное время, война,
В люди вывела нас от безыгровых.

Петухова Ирина Фроловна

1999 год

Петухова Ирина Фроловна
1985 год

Мы – дети грозных военных лет,
 Погибли отцы, отцов у нас нет,
 Они полегли на полях сражений,
 Чтоб жизнь была, как день весенний.

В мире живем сорок лет,
 И скажем дружно в ответ,
 Тот, кто хочет войны сейчас,
 Должен крепко запомнить нас.

Нас – это наш народ,
 Тот, кто жизнь всю взял в оборот,
 Тот, кто землю спас от беды
 И смог к победе прийти.

Нам по сорок, сорок пять,
 Но звучит тревога опять.
 Люди мира должны понять,
 Что нельзя так землю терзать.

Жить в согласии надо и мире,
 Слушать песни о дружбе в эфире,
 А не угрозу о звездной войне,
 Нет, не должно быть войны на Земле!

Петухова Ирина Федоровна
 1985 год

Ни к чему и шелка, и уборы,
Есть письмо от отца, мы читаем его,
Он писал нам с войны, из окопа.
Пожелтело оно, букв почти не видеть,
Только давность письма здесь без срока.

Я не знала отца, он ушел на войну,
Года не было мне в то время,
Похоронка пришла из-под города Ржев.
И на маму легло это бремя.

Мама нас обняла, сиротинок своих,
Как теперь ей справляться, не знала.
Только волю свою собрала всю в кулак,
Трудно будет – она понимала.

День Победы настал, радость всех обошла,
Только мама с детьми все рыдала,
«Не придет наш отец, дорогой человек», –
Со слезами она повторяла.

Только мама моя обо всем постаралась,
Четверых подняла, все невзгоды прошла,
Все прошла в это трудное время, родная,
В люди вывела нас, от беды отвела.

Петухова Ирина Федоровна

1999 год

МАТЕРИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

1. В середине села Мингали
Дом старинный стоит кособоко,
И старушка в том доме живет,
Коротая свой век одиноко.
2. У старушки у той было шесть дочерей,
Рано с ними она поседела.
Не носила шелков и ночей не спала,
Хлеба досыта даже не ела.
3. Как растила их всех, трудно все рассказать:
Был и голод, и лютая стужа,
Денег нет, хлеба нет, не обуть, не одеть,
Да пришла похоронка на мужа.
4. Собрала в кучу всех, поревели они,
Да ведь сытый слезами не будешь.
Утром снова пошла на работу она,
Нет, про то никогда не забудешь.
5. Ты отныне вдова, а они сироты.
От судьбы не уйдешь никуда ты,
И ревела ты вновь, что бежали они,
На дороге, увидев солдата.
6. Годы шли чередой, девки все подросли,
Пышных свадеб ты им не справляла,
Коль жених по плечу, так иди, Бог с тобой,
И одну за другой провожала.
7. Улетели они из родного гнезда,
Опустел дом, осталась одна ты,
Так носи же шелка, ешь что хочешь и спи,
Что доспать не успела когда-то.

8. Нет, теперь не уснешь, да и хлеб не в коня,
Ни к чему и шелка, и уборы,
Ведь всему свое время, а время ушло,
На лице лишь оставив узоры.

9. Так не плачь же о прожитых днях,
Ведь не зря прожила ты на свете,
Молодые года отдала дочерям,
А за старость твою они будут в ответе.

ОТВЕТ КАТЮШЕ

Ветер дальний чуть колышет травы,
На границе пала ночь темна,
Не спокойно смотрит на заставы
Враждующая против нас страна.

Не цветут здесь яблони и груши,
А леса чудесные растут,
Каждый кустик здесь бойцу послужит,
И враги границу не пройдут.

Не забыл тебя я, дорогая,
Слышу, помню песенку твою,
На границе солнечного края
Я родную землю отстою.

Не забудь и ты меня, Катюша,
Про того, кто письма часто шлет,
Про того, кто лес умеет слушать,
Про того, кто счастье бережет.

Ветер дальний чуть колышет травы,
На границе пала ночь темна,
Но не спят Советские заставы,
Спи спокойно, Родина моя.

ЧАСТУШКА

Мы уже не молодые,
Но и не состарились.
Нам бы пенсию побольше,
Мы бы не печалились.

ВРАГАМ НЕТ ПОЩАДЫ

Вперед, уверенно, сквозь годы,
Нам знамя Родины нести,
Врагов Советского народа
Сметает партия с пути!
И не она ли распознала,
Что рядом с нами дышит гад,
Что, маскируя вражье жало,
Он в нем таит смертельный яд,
Себя не дорого он продал,
Ответил дорого наймит,
У нас шпионов судят строго,
Их с гневом Родина клеймит.
Забыл предатель и двурушник,
Как не достать до звезд рукой,
Так наше счастье не разрушить,
Врагам пощады никакой!

В 1954-1955 гг., когда Берию распознали, была частушка:

Берия, Берия потерял доверие,

А товарищ Маленков

Надавал ему пинков.

Пономарева Надежда Николаевна, г. Асбест, 15. 04. 1998 г.,

Передала Колосова Надежда Егоровна.

В 1941 году началась война, сразу же братья брали, у него

была бронь по болезни и по работе. Он тогда написал Ворошило-

ву, на был отказ, тогда он написал Сталину. Пришел ответ:

«Требую удовлетворить требования, мать была взята на

фронт в Еланск. Младший брат Николай воевал в партизанском

отряде в тылу и до окончания войны и перед боями, но письма не сохранились. Мать в письме написала: «Едем на

фронт, ближе к фронту вдоль железной дороги на электрических

столбах, виселицы, кругом леса, болота, люди местных деревень и городов».

С фронта он прислал вырезку из газеты «Звезда» «Железнодорожные бригады», там было фото матери и Николая. Мать писала: «Береги детей, учи их, не жалеи

ничего – все продавай».

А у мамы нас четверо – ни дома, ни в городе, ни работы. Тогда она решила переехать ближе к родному родню в Баженово. Первое время жили в братца, а потом сняли домик, и мама пошла работать в колхоз. В августе 1942 года пришла похоронка, что папа погиб. Старший брат Володя после похоронки ушел в партизанский отряд в Бровальском. Но на фронт он не попал. Его брат Александр в Путилице в город Ниту, он там проучился с 1942 по 1947 год. Он был военным летчиком в

КАК Я ДОЛГО ИДУ ДОМОЙ

*Односельчанам родной деревни, не пришедшим с войны,
посвящаю*

Как я долго иду домой
С войны прошедшей, с поля брани!
Как тороплюсь я в край родной –
В дом постучусь на зорьке ранней!

Вы маму знаете мою:
От горя рано поседела.
Я в первом был сражен бою,
Не сделав в жизни и полдела.

Пусть васильком я на лугу
Представляюсь людям ненароком.
Всю жизнь пред ними я в долгу,
Что пал в бою я раньше срока.

Но нету в том моей вины,
Что дом мой – братская могила.
Я шел на смерть против войны,
Чтоб солнце вам, живым, светило.

Я все такой же молодой,
А мама очень постарела.
Как долго я иду домой,
От срока бронза потемнела.

*Михаил Голешов,
Передала Колосова Н.Е.*

ОН НАПИСАЛ СТАЛИНУ

Я, Деева Галина Васильевна по мужу, девичья фамилия Нисковских. Нас в семье было четверо детей: Владимир 1926 года рождения, Павел 1928 года рождения, Геннадий 1929 года рождения и я 1932 года рождения. Родители: Нисковских Василий Сергеевич, Нисковских Анастасия Антоновна. В декабре 1940 года мы приехали в Белоярский район Свердловской области, где папа работал в райкоме партии в Белоярке. Нам сняли квартиру в доме вместе с хозяевами (в отдельной половине дома) в Большой деревне.

В 1941 году началась война, папу на фронт не брали, у него была бронь по болезни и по работе. Он трижды писал Ворошилову, но был отказ, тогда он написал Сталину. Пришел ответ: «Просьбу удовлетворить». В январе 1942 года папа был взят на фронт в Еланск. Короткое обучение на политруков. И на фронт отправили через месяц. Писал письма с дороги и перед боями, но письма не сохранились. Я помню, что он писал: «Едем на фронт, ближе к фронту вдоль железной дороги на электрических столбах виселицы: кругом висят солдаты, люди местных деревень и городов». С фронта он прислал вырезку из газеты с песней «Землянка». Маме он писал: «Береги детей, учи их, не жалея ничего – все продавай».

А у мамы нас четверо – ни дома, ни огорода, ни работы. Тогда она решила переехать ближе к папиной родне в Баженово. Первое время жили у брата папы, потом сняли домик, и мама пошла работать в колхоз. А 3 июня 1942 года пришла похоронка, что папа погиб. Старший брат Володя после похоронки ушел на фронт добровольцем. Но на фронт он не попал. Его направили в летное училище в город Читу, он там проучился с 1942 по 1947 год. Он был военным летчиком в

мирное время, но имел много наград. Был талантливым человеком, с первого по десятый класс учился на «отлично», ни одной оценки «хорошо». Военное училище и военную академию окончил блестяще – одни пятерки. Летчик – ас, как отзывались сослуживцы. А нам троим так и не удалось дальше учиться, мы были способны, но война искалечила нашу жизнь и детство. После получения похоронки о папе мама поехала оформлять документы нам на денежный аттестат в город Асбест к нотариусу. На обратном пути в вагоне у нее порезали сумочку вместе с документами, но что ее обеспокоило – там же был и партбилет. Когда она заявила, как это случилось, ей дали срок месяц, а там военный трибунал – или фронт, или тюрьма. Все в короткое время: похоронка, сын на фронт пошел и потеря документов, особенно партбилета.

Но, к счастью, и документы нашлись, и партбилет. Завтра трибунал, а сегодня ей принесли документы, не было денег, наших метриков и облигаций. Нашел наш земляк из города Асбеста по фамилии Чемоданов. У нас в Баженово от Асбеста было подсобное хозяйство, и он был ответственным за хозяйство. Маму он знал хорошо, нашел на остановке «Шпалзавод». Дали маме выговор с занесением в личное дело. А в октябре она заболела. Увезли ее в Свердловск, в областную больницу, где она пролежала с 1942 по 1947 год. У нее парализовало всю нервную систему, лечил ее профессор, он написал диссертацию, никому не доверял маму лечить. Он ее поставил на ноги, но до конца своей жизни она была инвалидом.

Мама заболела, а брат Павел ушел жить к тетке папиного брата, и мы остались с Геннадием вдвоем, никому не нужные. В детдом нас не брали – мама жива. Когда маму положили в больницу, нам стали давать хлебные карточки и денежный аттестат. За нас получала женщина из нашей деревни, она оформляла

все на себя как опекун, взяла нас под контроль. Кормила своих детей, а мы голодали с братом. После войны эту женщину осудили на 10 лет с конфискацией имущества. Но нам не легко было жить, как она жила.

В школу стали ходить редко. Ходили в лес за дровами, везли на санках и копали картошку из-под снега. Я огребала снег лопатой, брат киркой выдалбливал картошку. Менять уже почти нечего было, и мы никому не нужны, а жить и выживать приспособлялись. Последнее осталось: кровать никелированная и пружинный матрас. Нам за все это дали два ведра картошки и восемь килограммов ржаной муки. Мы с братом радовались, плясали, обнимались, но все это скоро закончилось. Брат стал мне говорить: «Летом я уеду к Володе, ему хорошо, его кормят, и тепло». Я думала, что он так просто говорит. Пришло лето, и он уехал в город Читу, пробирался на товарных поездах, на остановках попрошайничал, машинисты заметили его, расспросили и довезли до Читы. Машинисты его кормили, а он бросал уголь в топку. Нашел военное училище брата, и его оставили в училище, оформили сыном полка. Он там прожил с 1943 по 1947 год. Он приехал домой.

А в 1943 году я осталась одна. Лето прожила на сушеной мороженой картошке, варила суп из травы с добавкой, вместо картошки дудки от репья, ходила в лес по ягоды, грибы. Вставала рано, хоть что-нибудь насобирать, таких, как я, было больше, чем грибов и ягод. К осени я стала слабеть, собирать стало нечего, сентябрь проходила в школу, а в октябре бросила – не было сил ходить. Мне давали из жалости когда картошку, овощи, и очистки, у кого не было скотины. В лес ходить я не могла, в доме холод, голод. Когда удавалось что сварить, брала два кирпича, ставила под трубу и жгла книги – так варила и грелась. У нас была большая библиотека. И я ее почти всю сожгла.

Но однажды, когда совсем ослабла от холода и голода, легла на топчан, закуталась, да так чуть не уснула навсегда. Сколько я лежала, не помню. В школе меня спохватилась учительница, спрашивала у учеников, кто видел Галю Нисковских, дети отвечали, что не видели. Тогда она решила сходить домой, пришла, смотрит: на топчане куча вещей, стала разбирать, а там я лежу без сознания, худая, как скелет, она посмотрела: дышу. Санки взяла дома, одела меня, и – в больницу.

Когда я лежала в больнице, она сходила в райком партии, все рассказала, а из больницы меня она же увезла в санаторий «Обуховский». Во время войны он был детским санаторием, там были дети, больные и худые, как я, со всей Свердловской области и даже из Перми. Все это мне рассказала Александра Ивановна. А в 1944 году с помощью учительницы меня устроили в колхоз «Красный Октябрь», в Баженово, чтобы я как-то могла выжить. Так я проработала в колхозе с января 1944 по июнь 1947 года. В 1947 году меня взяли по направлению сельсовета в город Асбест в ремесленное училище № 12. Так я рассталась с колхозом. После окончания ремесленного я вскоре вышла замуж, и мама стала жить со мной. У меня двое детей: сын и дочь. Дочь – Шушарина Нэлли Васильевна по мужу. Сын – Деев Виктор Васильевич. Детьми я довольна, помогать не помогают материально, но относятся очень хорошо. Есть внуки и правнуки: три внука, две правнучки и правнук.

Работала на заводе АТИ, в торговой сфере. Перед пенсией я решила подзаработать и с 1974 года работала поваром на рыболовных судах, побывала во многих странах, за границей, не один раз в Испании, Дании, Копенгагене, Сингапуре, Новой Зеландии, в Анголе (северной и южной частях), на острове Пергелен (южная точка полушария). Пересекала экватор трижды, проходили Панамский канал, Суэцкий канал. Прошли весь Тихий океан, Атлантичес-

кий океан, Индийский океан, Черное море, Красное море. Мне дал Бог в жизни плохое и хорошее повидать, это не каждому дано: быть за границей, и многое увидеть.

Деева Галина Васильевна,

21 мая 2009 года

ИЗ ПИСЬМА ЖЕНЕ В АСБЕСТ

«Если бы ты знала, с каким трепетом я раскрываю твои письма и сколько раз читаю эти скупые строки! Каждая буква – это целый мир моих дум, мир моей любви.

Вот и снова весна. Березки распустили крошечные листочки, черемуха готовится расцвести белым туманом. Зелень покрыла луга, поляны. Настоящая весна пришла, а позади – страшная зима 1941 года. Зима! Кошмаром будет сниться она. Можно ли когда-нибудь забыть эти морозные боевые ветры, залитые кровью поля, морозные дни?.. Нет. Не забыть.

Слышны пулеметные очереди. Идет бой, здесь война. И весна. Это так нелепо – война и весна. Весна пробуждает все к жизни, а война уничтожает жизнь. И все-таки они нисколько друг другу не мешают. Особенно война – весне. Все равно та пройдет сквозь любой огонь и ливень пуль и постучится в сердце.

Я снова среди своих боевых друзей и, как говорится, в своей стихии. В Ленинграде тает черный от пороха снег, смывается боевой загар с полей и лесов. Весна обновляет землю нашу, наполняет ее новыми силами жизни для того, чтобы с ними бить ненавистного врага, несущего смерть и уничтожение всему, что мило нашим русским сердцам. И уж будем бить! Еще крепче, чем зимой. На днях у нас большой праздник – вручение полку гвардейского знамени.

Дела наши боевые идут хорошо. Немец начал отступать, а это уже говорит за все. Ливанчинский и я награждены орденом Красной Звезды. Указом от 3 декабря и от 20 декабря – орденом Ленина, так что мы теперь с ним – трижды орденосцы. Мои ребята живы почти все, кое-кто ранен и уже снова воюет. Много новичков, но они тоже крепкие ребята и дружные в бою.

Не писал тебе писем 8 дней. Беспокоюсь, что ты на меня сердисься. Но поверь, родная, что сейчас много работы – с ранней зари до темноты не отходим от самолетов. Я летаю столько же, сколько и мои рядовые летчики. Самолет мой новый и хороший... Бьем «мессеров» в хвост и гриву. Сообщаю тебе печальную весть

– погиб Миша Гапонов. А вчера я похоронил на Шуваловском кладбище одного из моих лучших боевых друзей – Олега Слонова. Такого парня я потерял... Но не до слез нам сейчас, не до скорби. Мстим гансам. Уже шесть «мессеров» срубали мои ребята в счет мести».

То, что раньше было для летчика приятным дополнением к основной профессии, вдруг оказалось нужным и важным. Может, потому и через четверть века плачет, вспоминая, жена, и не стерлись его черты из памяти тех, кто помнит.

«Николая Михайловича Старкова любят и уважают летчики, техники подразделения. Спросите любого из них: «Кто лучший певец в подразделении?». Вам скажут: «Наш командир». И в этом не будет преувеличения. В свободное от боевых полетов время Николай Михайлович идет к своим товарищам с баяном или гармонью, гитарой или мандолиной. Этими музыкальными инструментами он владеет, пожалуй, не хуже, чем своим грозным оружием – краснозвездным истребителем», – писала фронтовая газета накануне Нового, 1942 года.

24 сентября 1942 года командир эскадрильи Старков не вернулся с боевого задания. Товарищи надеялись, что через некоторое время он отыщется, но неоправданное все же случилось. Это был последний бой, последние минуты жизни двадцативосьмилетнего гвардии майора Николая Старкова, нашего земляка. О нем рассказывают «Известия» 10 апреля 1943 года:

«В один из боевых вылетов Старкову и летавшему с ним в паре летчику Зорину пришлось встретиться в воздухе с двенадцатью «мессершмиттами». «В атаку!» – скомандовал Старков. Не ожидавшие такого дерзкого натиска, гитлеровцы дрогнули. Старков ударил из всех пулеметов по ведущему «мессершмитту», и машина врага, загоревшись, рухнула на землю. В это время Зорин сбил другого немца. Но снаряды и пули преследовали советских летчиков, и Старков внезапно почувствовал жгучую боль в груди и в руке. «Я ранен, – передал он по радиотелефону Зорину и тут же снова скомандовал: В атаку!».

Летчики эскадрильи Старкова поклялись жестоко отомстить немцам за гибель их любимого командира. И они отомстили. Молодым летчикам, прибывающим в полк, рассказывали о нем, его подвигах, о его большом сердце. Летчик Старков остается в строю. Такие люди бесследно не исчезают.

Когда этот рассказ готовился к печати, в Асбест пришло письмо из полка, в котором с первого дня войны нес боевую службу командир эскадрильи Николай Старков. Вот это письмо:

«К сожалению, в полку не осталось никого из тех, кто вместе с майором Старковым защищал небо Ленинграда, кто был живым свидетелем и участником подвигов наших летчиков в войну.

Передайте, пожалуйста, сердечный гвардейский привет семье Старкова от молодого поколения воздушных бойцов. Они достойно продолжают боевые традиции наших старших товарищей и командиров».

В семье Старкова Николая Михайловича выросли две дочери: Вера Николаевна Лызлова, Наталья Николаевна Кочергина. Жена Старкова Н.М. в годы войны работала машинистом электровоза на комбинате «Ураласбест». Перед войной семья жила в Гатчине под Ленинградом.

Гера Шкурко

ОТ СЕМЬИ ОСТАЛОСЬ ДВОЕ

Я, Мазьков Валентин Владимирович, родился 17 декабря 1942 года. Мой отец Мазьков Владимир Тимофеевич родился в 1910 году. Мать Лоскутова Евгения Григорьевна родилась в 1917 году. Брат Мазьков Борис Владимирович с 1940 года рождения.

Полная наша семья состояла из 9 человек: 2 брата матери, 2 сродных брата, сродная сестра, бабушка (мать матери). У моих сродных братьев и сестры отец погиб на фронте, а мать – в шахте, и всех нас воспитывали моя мать и бабушка. Отец мой погиб в Великой Отечественной войне в 1944 году, в мае, при переправе через Днестр, в пригороде города Бендеры. В 1970 году я побывал на братской могиле, где было захоронено 900 бойцов, в том числе и лейтенант Мазьков Владимир Тимофеевич. Мой отец был награждён орденом Красной Звезды посмертно.

Мой отец воевал на Финской войне, был ранен. Потом – Великая Отечественная. Меня он не видел, так как я родился в 1942 году.

Жить в годы войны было всем одинаково, но каждый выживал по-своему.

Мать и бабушка делали все, чтобы накормить нас, мать работала.

Держали огород, садили картошку, овощи. Я это смутно помню. Мне было 3 года. Но все-таки все выжили.

Братья после школы поступили в РУ № 48. Затем пошли работать. Сестра окончила техникум, а затем заочно горный институт. Я после школы поступил в техникум АГТ, а затем заочно окончил Свердловский горный институт. После техникума работал в Центральном РУ.

После окончания института работал на фабрике №3 и на фабрике №5, на которой проработал начальником цеха ДСК 20 лет. А в системе комбината проработал 40 лет.

В 1948 г. обучался 6 месяцев в Алма-Атинском Государственном университете на финансово-экономическом факультете.

За время моей трудовой деятельности мне присвоили звание «Почётный работник комбината «Ураласбест», «Заслуженный рационализатор Среднего Урала». Присуждена Серебряная медаль ВДНХ.

На данное время от нашей семьи из 9 человек осталось 2 человека. Я и моя сродная сестра, которая живёт в Симферополе.

О себе: женат, имею дочь, внука.

В настоящее время пенсионер, не работаю. До войны мой отец работал на фабрике №3 начальником электроцеха.

16 февраля 2009 год.

Два письма от рядового
Содатова Михаила Яковлевича
Погиб в госпитале (г. Волхов)

26/х~~к~~41г.

Добрый день, здравствуй, моя многоуважаемая
жена Мария Александровна, и сыновья мои Игорь,
и Игорь, бабушка, мама и братья, сестры,
сводки, и сводышцы. Всем я кланяюсь,
Сердечный привет и желаю хорошей жизни.
так маме я желаю обещать жизни я
находясь на передовой линии. Живём
никого, сама знаю, кормят пока никого
всюду кормят и в плохих условиях
пока, можно сказать, это кормят.
Живём в землянках тепло в месте
средствами видимы.

Но маме я отвал несколько писем
не получал хоть-бы ты от была
телеграммы, это все жизни и здоровья
мне это-бы узнать и я бы был доволен.
а то я незнаю уже 2 и месяц проваю никого
маме об этом не забываете я живу
никого слышу в качестве передового

а когда приеду домой дам раскладку
на хозрасчет больше около кухни.
полугато бойцам обед и хлеб и так
никого гнетую сам себя здоровым
и драбры. как вы манежа
живете с мамами сыновьями
и вас с сыновьями своих гасто выноу
воине сезон выде Писю гзото би-
он такал сны выноу авраши воду
своеу и вестак но мажя передай
привет маме и всем обязательно гто
и пока оев и зурев но Ровиданив
мажя оеди слезуноуе сообщенив
и пицу в е псевмо втсюда но мажя
живите не тужите с приветом
ваи известной мюге и папа
солдатов мих в, оуц отвста
егожо Ровиданив мажя мамв
сыновв муро и Пголд м.солв

27/ix-41г. -1-

листо 2

Добрый ден здравствуйте мой дорогой
семья мена Мария Федоровна и сыновья
еще танд бабушка. Первая долгом
много письма и кландые вам всем
покиекому поклоню. Передаю манд поклон
и маме братодни и сестран и Викодеву богору
с меной Натальей Федоровной. Терликанг
Фелицитро с меной Натальей, Радиковой
В. от манд горюдам привет. Вотторых
манд и сообщают правого пизы манд и
миву хорошо мы находиме в месте пока
на передовой линии на отдыхе пока еще
не были но миву хорошо коридит хорошо
манд мы здес на ходиме с сентябрь
и как с Фебета в месте с голубер
медведовскя, Кедесев, Икиси, котопи
а Уксихин от как остался в Волхове
и мы улесали сегие его познати где
он естб как жатб здес много было
с Фебета но улесе каторис поранило
улесали обратко но мы все мивы и здоровы
сегие ездим рядом с медведовскя пишем
письма. Манд обомне шибро не беенокотел
умид так вестакя здорове никого и это
все keresztиву. но етели ранил или еще
это но это никого и так и здоров не заболел
все это keresztиву. Надеет холода дак мы
заклимаем. Ланю и елеса и илени
дак я схоил и взял дуфрачку и подперну
под шимель дак тепло и рукавицы
с Медведовскем ешили. Так пока мивам

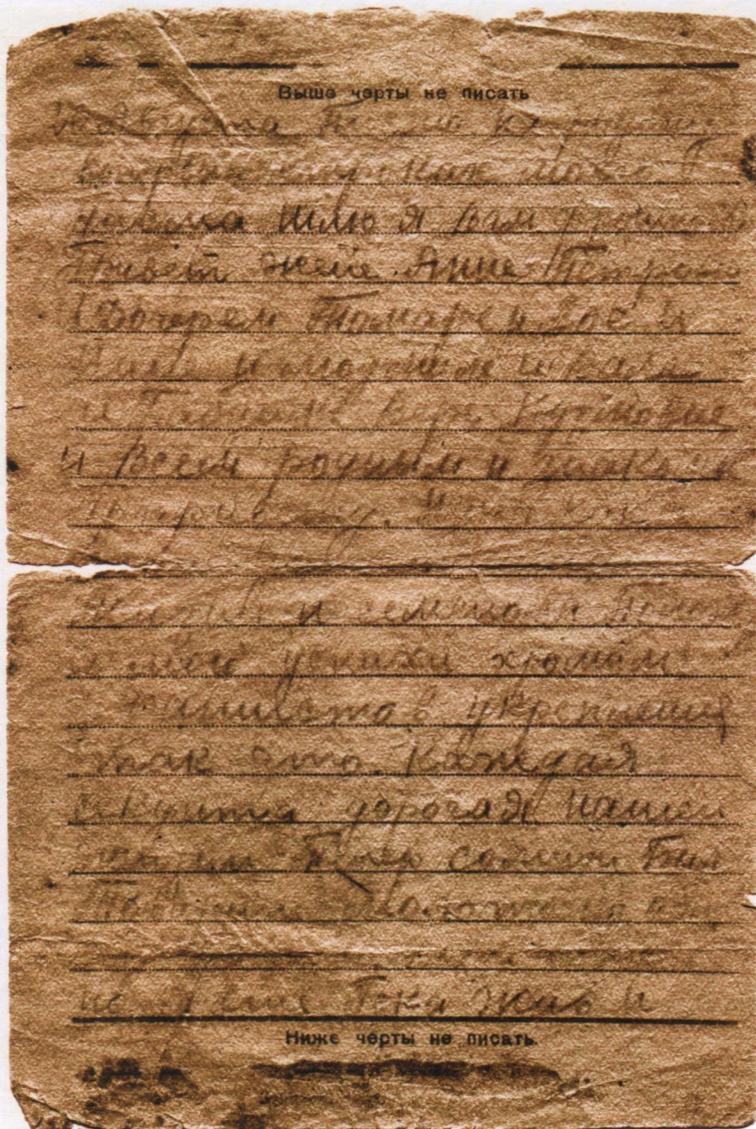
но только у нас с собой нет братва
дак не вачено далее нас с медведевских
байцы каторские нас кизинот дал отвом
завут, но кизинот поцум на днх
там подриемев и емимем на каторгоку
вам поцум

Пиши от вет письма в кам хорошо
доходит и прощии коетю взди или нет
и что нового у нас в (Албесте) городе
как с сеном обеседилась и дровами
будуче как там поцумавси соводами
помощниками ситовыми.

Пишем сыновдому Мургу и Поле
муро и Полю вы маму слышайтее
ке шалите муро Полю бить кизинот
си малекбши если будси слышайт маму
и Полю бить кизинот ба я воем дамси
~~приезду дал вам куплю голтанцев~~
но пока все пишете от вет пока
мань ты прощии где работаси
но пока Досвиданнй маь догозад
песна марий федерави пици
май Арее Дешевуоцал Фривид
когитово поцумав этанциз 949
1915 пока 7 рата Солдатов М Д
но Процаите и кизинотите
пишете от вет с приветом вам
известной муре и папа Солдатов М Д
кизинотите мейд мань

27/12-41 Маму

Последнее письмо с фронта
Катаева Василия Петровича своей семье.
Предоставила письмо его дочь Жиганова Л.В.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ

5845 Воинское

Куда Свердловской области
Невыянской, район село
Кому Аятка, ул.у Заройн 4. 5
Катаевой, Анне. Петровне

Обратный адрес:

“ ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 410978”

Катаеву
Василию Петровичу
(Фамилия, имя и отчество)

[Faint handwritten text, possibly a letter or message, mostly illegible due to fading and bleed-through.]

Ваше место не платит.

Шорников Василий Алексеевич
и Мария Григорьевна,
октябрь 1941 года
и август 1941 года

Письмо Кокшарова В.Н.

Нашего письма 24/11/42г. добрый день
Здравейте дорогие мама Шура
и дочки Вава и Юра и Васька!
любим в васе свои красноармейские
пламенные приветы и пожелания
в себе хорошего в жизни вашей
Ваше письмо ^{42.10} с вами кто
я получил от вас письмо
заказов. Сердечно благодарю
я его получил и очень и очень
рад. После чтения думаю, что
забыла написать вам также
десять шура вы посылу
Натра пишем передали или
лишь деньги посылу и
и рукавичи нашей старинная
одежде и шапки и шура
я Нахаше все
на Фронт и все в шапки
и все на передавай. Ибо
Мил Здрова. На хаше
погода неважно дождь
и холод шура вы очень
пожелали два листа
бумаги в числе у меня
и Украина вот второй

ОСТАЛАСЬ БЕЗ КОРМИЛЬЦА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Я коренная жительница г.Асбеста.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 10 лет.

Мой отец, Пакулин Семён Иванович, 1903 г. рождения, был призван на фронт в апреле 1942 года, а 4 августа 1942 года был убит на Смоленском фронте.

Осталась без кормильца большая семья: шестеро детей и престарелая мать, наша бабушка.

Мама была домохозяйкой, я в семье была четвёртым ребенком. Семья получила похоронку.

Мама была в отчаянии, средств к существованию почти не было. Введены были хлебные карточки (300-400 гр.) на «иждивенцев».

Как только началась война, старшие дети Марья и Иван пошли работать на военные заводы, которые были эвакуированы из г.Харькова, Ростова-на-Дону и Подмосковья.

В январе 1943 года брата Ваню (17 лет) забрали в армию, а младший брат Миша (15 лет) встал за токарный станок вместо ушедшего на фронт брата.

Зиму 1942-1943 года прожили очень трудно. Весной собирали на огородах оставленную осенью гнилую картошку и пекли оладьи (очень вкусная еда).

Мама, чтоб добыть кое-какие продукты для семьи, ходила по окрестным деревням, меняла оставшиеся наши вещички на горстку муки или крупы. Как только сошёл снег, мы, дети, вместе с мамой ходили по колхозным полям и собирали колоски, оставшиеся после осенней жатвы.

Весной (1943 г.) в очередном походе по деревням в поиске продуктов для семьи, в половодье, мама переходила вброд речку, очень сильно простудилась и заболела крупозным воспалением лёгких, у неё держалась очень высокая температура. Я отчётливо помню, что к нам приехал на лошадке врач, осмотрел маму и приказал немедленно её вести в больницу. Транспорта в то время никакого не было. Мы, все дети (нас в то время было в семье 4, младший

братишка умер младенцем вскоре после ухода отца на войну), нашли какую-то тележку (телегу), уложили на неё больную маму и повезли её на больничный городок, а жили мы в посёлке в районе ЮРУ.

Мама болела очень долго, её лечили, как могли, но болезнь прогрессировала и перешла в туберкулёз. Через год в августе 1944 года мама умерла.

Вскоре семья получила вторую похоронку, погиб старший брат Иван (в августе 1944 года), похоронен в Польше, вблизи города Варшава. Мама так и не узнала о гибели своего старшего сына.

Мы остались с бабушкой, в детдом младшую сестру Аню (10 лет) бабушка не отдала.

Мне в то время было 13 лет, и я уже работала на военном заводе, работающим подросткам давали хлебную карточку (700 гр.), работать приходилось по 8-12 часов, без выходных и в ночные смены. Работали ударными темпами. Однажды в честь какого-то события (не помню) нашу бригаду малолеток построили в шеренгу, зачитали поздравления и наградили каждого кусочком «туалетного мыла» и поездкой в город Свердловск с посещением театра Оперы и балета. Смотрели балет «Дон Кихот», а в кинотеатре посмотрели фильм «Котовский». В Свердловске мы были целый день, и это событие осталось в памяти на всю жизнь.

Война разрушила нашу семью. Заботу о внуках взвалила на свои старые плечи наша бабушка. На войне у неё убили двух сыновей и внука, умерли обе снохи: наша мама и жена старшего сына.

Старший сын бабушки – наш дядя – Пакулин Григорий Иванович (1901 г.р.) был призван на фронт в первые дни войны (семья дяди была бездетной), и больше от него не было ни письма, ни каких-либо других известий, считался пропавшим без вести, а наша бабушка до конца своей жизни ждала возвращения дяди Гриши, т.к. похоронки не было. Умерла бабушка в 1958 году. Нам, детям, круглым сиротам выпала доля до дна выпить сиротскую чашу.

Выживали, как могли, карабкались по жизни. Питались в основном с огорода, не имели необходимой одежды и обуви, прихо-

дилось носить какие-то обноски не по размеру, которые остались от мамы.

Вся домашняя работа и работа в огороде была полностью на наших плечах, бабушка уже работать не могла, только давала нам задание и следила, чтоб мы всё тщательно выполняли. Зимой и летом возили воду в бочке с колонки, которая находилась на улице Мопра (это около 2 км). Рубили в лесу дрова и возили их на санках домой, косили сено и т.д. и т.п.

Хотя жизнь была очень трудной и в послевоенное время, мы жили.

После войны я на протяжении этих лет работала и училась.

Мой трудовой стаж – 51 год непрерывный на основной работе.

Михайлова А.С.

РАБОТАТЬ ПРИШЛОСЬ С РАННЕГО ДЕТСТВА

Я, Бухарова Надежда Михайловна (по отцу Филатова), до сих пор не могу без слёз вспоминать о своём детстве. Мой отец Филатов Михаил Тарасович 1910 года рождения воевал с финнами. Вернулся домой больной, израненный, обмороженный, и в первые годы Великой Отечественной войны его не брали на войну. А в 1943 году весной он ушёл на фронт и не вернулся.

В ноябре 1944 года он «пропал без вести».

Нас у мамы было четверо: сын 1931 года и 3 дочери. Я – 1937 года рождения, Валентина – 1939 года, и Тамара – 1943 года рождения. Жили мы в Башкирии, в Кичинском районе, селе Килик. Жили очень бедно, голодали.

Во время войны у нас сгорел дом и всё, что в нём было. Перед уходом на фронт с помощью соседей отец построил небольшой дом. Но в доме ничего не было, даже постели.

Не было ни обуви, ни одежды. Зимой нас спасала печь. Помочь нам было некому. У отца было два брата Иван и Прокопий. Они тоже погибли, и у них были большие семьи.

Мамины братья Локтевы Михаил Капидонович и Егор Капидонович тоже не вернулись с фронта. Работать нам пришлось с раннего детства. С мамой вместе ухаживали за телятами: зимой помогали кормить их, а летом пасли с мамой колхозных телят. В школу ходить было не в чем. Ходили босые летом, а зимой в лаптях. Брат нам их плел.

Кончилась война, но жить легче не стало. Нас детей без отцов обязывали работать в колхозе. Летом – на сенокосе. Посадят на лошадь верхом, и целый день мы возили копны сена. Вечером снимут с лошади, а идти-то не можем. Мама плакала над нами и вела потихоньку домой. У кого отцы вернулись домой, – им жилось намного легче, так как отцы привезли им из Германии одежду и обувь. А мы как были нищими, так ими и остались. Да ещё и звание нам приклеилось «безотцовщина», стали подрастать и нас, «безотцовщину», стали посылать на самую тяжёлую работу. После оконча-

ния 7 классов в 16 лет, а сестру в 14 лет заставили работать доярками. В школе учиться не было возможности, так как школа находилась в районе за 15 км и жить там было негде, да и одежды не было. Вот и пришлось работать, чтобы немного одеться. Дети, у которых были отцы, глядели на нас, «безотцовщину», свысока и унижали нас. Те, кто вернулся с войны, получили помощь от государства, и это правильно. Но почему же о нас, «безотцовщине», государство совсем забыло?

Неужели наши отцы не заслужили того, чтобы государство хоть немного помогло их детям. Отцы, которые вернулись с войны, до сих пор помогают своим детям и внукам. Они получили квартиры, машины и денежные вознаграждения. Наши же отцы сложили головы, защищали Родину. А их головы оценили один раз в День Победы в 200 рублей.

МАМА СВАРИЛА СТУДЕНЬ ИЗ СТОЛЯРНОГО КЛЕЯ

Когда завывала сирена – воздушная тревога – мы все бежали в бомбоубежище. Всё убежище сотрясало от взрывов, казалось здание рухнет и засыплет нас. Наступила тишина. И вдруг в этой тишине раздался детский голос: «Рудик хочет кушать». Каждое слово он говорил чеканя и с большим промежутком, и так раз 5-6. На всю жизнь мне запомнился этот голос голодного ребёнка.

С каждым днём хлеба нам давали всё меньше и меньше. Однажды брат заплакал: «Мы же умрём с Ниной, не надо нам уменьшать норму». Мама нас стала успокаивать. На другой день мама принесла ведро земли со склада и сказала, что земля пропитана витаминами, так как продукты сгорели. Она кипятила воду с землёй. И 2 раза в день мы пили по стакану мутной жижи. Пыталась мама сварить солому, но она оказалась несъедобной. Время шло, мама еле ходила. У нас с братом начали кровоточить дёсны, нарывало под ногтями.

Однажды мама сварила студень из клея (не знаю из какого). Предупредила, уходя на работу, чтобы много не ели. А то кишки слепятся. Но мы съели всю тарелку этого студня. Решили, что лучше умереть сытыми, чем голодными.

Наша мама всегда говорила, чтобы мы не боялись смерти и что для того, кто будет умирать, есть кусочек сахара. И мы успокоились, даже обрадовались, что сахар дадут. Первый в квартире умирал дядя Федя. И сахар положили ему в рот. Он пошевелил губами и сомкнул губы. Пока мама искала санки, чтоб увести дядю хоронить, мы пытались достать капельку сахара у него изо рта.

Вскоре в убежище мы не стали ходить, так как мама не велела. Потеряетесь, и съедят вас. Но при сильных бомбёжках брат уво-

дил меня в туалет прятаться. А там было окошечко, которое выходило на лестничную клетку с большим окном. На подоконнике лежал огромный кот. В один голос мы с братом произнесли «мясо». И стали разрабатывать план, как его убить и ободрать. «Сварим суп», – решили мы. Но через два дня его не стало. Решили, что кто-то из взрослых его съел. И даже заплакали. Мы были маленькие, ходячие трупики.

Наш папа погиб в январе 1942 г. Родился у мамы ещё один мальчик в самый холод 29 января 1942 г. Роды принимал Саша – 6,5 лет. Делал всё, что говорила мама. Даже сумел согреть снег вместо воды!

Что я помню о папе, то есть о его гибели, всё со слов мамы и её сестры.

У папы была бронь. Добровольцем он пошёл на фронт в июле 1941 г. Мне уже было 4 года 6 месяцев. Брату – 5 лет 9 месяцев. Мама ждала третьего ребёнка, он родился 29 января 1942 г. К его рождению писем уже не было от папы. Папа направлен был в полевой госпиталь. В 1942 году в начале января папа был ранен, лежал в Ленинградском госпитале и заехал к нам. Рука была на чёрной повязке. Принёс буханку хлеба, поцеловал нас – и на фронт. Больше писем не было. Под Ленинградом шли ожесточённые бои: бомбежки и обстрел. После войны мама встретила его друга Анатолия, который служил вместе с ним и был очевидцем смерти папы Александра Иосифовича: немцы озверели, был просто ад. Санитары подбирали раненых и грузили в санмашину. Водитель этой машины был убит. Санмашина с людьми стояла на поле. Папа увидел эту картину и побежал к машине, завёл её, но кругом были воронки от бомб. Чтобы не попасть в неё, он наполовину стоял на крыле машины и даже объехал несколько воронок. Потом прямое попадание в машину – и всё было стёрто с лица земли. Всё засыпало, собирать было некого.

ВОСПОМИНАНИЯ

Устьянцевой Клавдии Фёдоровны, дочери погибшего защитника Ленинграда, Федулова Фёдора Павловича

Фёдор Павлович родился в 1899 году в Смоленской области. На Урал приехал в 30-е годы, с 1937 года семья жила в городе Артёмовский.

Старший сын – с 1918 года рождения, 2-й – с 1920 г., 3-й – с 1922 г., 4-й – с 1924 г.р., потом родилась дочь в 1928 году, затем ещё одна дочь в 1937 году, и самая младшая Клавдия Фёдоровна, родилась в 1940 году уже в Асбесте (точнее, в пос. Красногвардейский Артёмовского района). В Свердловскую область семья приехала на заработки. Ещё раньше, до приезда на Урал, отец и братья работали в лесной промышленности, поэтому здесь они устроились работать в леспромхоз.

Когда началась Великая Отечественная война, на фронт призвали вначале старших сыновей, так как они подходили по возрасту, а отец был староват. Он перед отправкой сыновей на войну научил их многим солдатским премудростям: как грамотно воевать, чтобы и врагов уничтожить, и самим в живых остаться. Но потом забрали на фронт и отца, так же в 1941 году. Самого младшего брата на фронт взяли уже во время войны. Он рассказывал, как проходил подготовку и, стоя в строю, специально вытягивался, чтобы казаться выше ростом и чтобы его взяли в армию. Служить он попал в Маньчжурию.

Больше всего досталось старшему брату, так как он попал в армию в 1939 году ещё до начала войны, потом остался воевать (на Дальнем Востоке). Всего прослужил 8 лет. Все братья имели ранения, но с фронта вернулись живыми. А отец сразу попал на Ленинградский фронт и погиб 23 марта 1942 года, похоронен в братской могиле у деревни Пустыня Лычковского района Ленин-

радской области, о чём свидетельствуют документы из Артёмовского горвоенкомата, а также извещение от военного комиссара города Ирбита. Из детства Клавдия Фёдоровна помнит, что с фронта от отца и братьев приходили письма в виде треугольников, но они не сохранились.

Семья Клавдии Фёдоровны жила в п. Красногвардейский Зайковского района Свердловской области, это было довольно-таки глухое место. Она вспоминает, что до семи лет не знала, что такое электричество. Жгли лучины, мама сама варила мыло.

Старшая сестра в 15 лет ушла работать в леспромхоз, её взяли мыть посуду. Питалась там же при столовой тем, что останется. Мама варила суп из крапивы и лебеды. От такой пищи живот был большим, а сил для работы не хватало. Старшая дочь иногда посылала маме сэкономленный хлеб, и у той прибавлялось сил для работы. Ведь надо было косить траву для скотины, которую держали в то время почти все. Держали корову, молоко продавали, чтобы купить что-либо из одежды. Рядом в посёлке жили эвакуированные москвичи, женщины вязали шапки и другие вещи. Мама выменивала у них на молоко эту одежду для дочек.

В 1943 году с фронта по ранению пришёл второй брат, стал работать в НКВД.

Запомнился такой случай: однажды летом вышли в огород, смотрим: что-то ботва на картошке повяла. Когда подошли поближе, то поняли, что вся картошка выкопана. Видимо, это сделали беженцы. Мама так и упала от горя на землю. Дочери испугались, что мама умерла, и громко заплакали. Мама просто потеряла сознание от стресса, от мысли о том, что теперь будет трудно прокормиться. Картошка – это главная была еда, её использовали очень экономно, чистили очень тонким сло-

ем, а кожуру весной садили вместо целых картофелин. Эта привычка (тонко чистить картошку) осталась у мамы и после войны.

Сейчас Клавдия Фёдоровна живёт в п.Белокаменном, много лет проработала главным бухгалтером.

*Ищу могилу своего отца,
Читаю имена на обелисках
Подолгу, от начала до конца,
И не встречаю ни в одном из списков.*

Воронцова З.Н.

МОЙ ОТЕЦ ПОГИБ ПОД ВЯЗЬМОЙ

Мой отец – Маненков Виктор Максимович 1913 года рождения, рабочий-токарь, коммунист. До войны работал в управлении буровзрывных работ в Асбесте. Был призван в армию 23 июня 1941 года. В 1939 г. был на Финской войне.

Моя мать, Анна Константиновна, ждала второго ребенка. Мне был 1 год 11 месяцев.

В первом письме с фронта отец писал, что уже воевал на двух фронтах в направлении Смоленска и Витебска, что едет на формирование в Козельск, который находится в 300 км от Москвы. Он надеялся, что война продлится недолго.

Второе коротенькое письмо было из Вязьмы. Он сообщил, что после боя остался жив и здоров, что скоро снова в бой. Беспокоился о семье, о питании, о том, что плохо работает почта, т.к. писем посылал много.

В сентябре 1941 г. он писал, что рад появлению на свет дочери, хотя ждал сына, просил выслать фотографию. Советовал матери, чтобы запаслась на зиму, что попадет, дешевым и выгодным.

В последнем письме от 10 мая 1942 г. он писал, что находится в окружении в тылу у противников в 60 км от Вязьмы, что был ранен в правое плечо, что рана зажила, а письмо в пятнах крови.

В 1946 году Асбестовский горвоенкомат сообщил маме, что отец, находясь на фронте, «пропал без вести» в августе 1942 г.

Такой же ответ был получен мною в 1972 г. из архива Министерства обороны (г. Подольск).

Моя мать, Маненкова Анна Константиновна, в июне 1941 г. продала папин велосипед и купила козу. Благодаря козьему молоку, мы выжили. В 1943 году я заболела дифтерией, долго лежала в больнице, но лечение не помогло. Меня отдали маме в безнадежном состоянии. Но мама меня спасла от смерти, дав ложку керосина. После кашля из моего горла вышел плотный комок слизи, и я ожила. Очень долго была слабенькой. Пострадало сердце. Был митральный порок. При небольшой нагрузке наступала одышка.

Жили на пособие, которое получали за отца. Мама подрабатывала в людях: стирала, мыла, шила и т.д. Когда мы с сестрой пошли в школу, одежду нам шила мама из того, что ей отдали ее знакомые и родственники. Она шила нам и зимние пальто, и шапки, и белье. Помню получили какие-то американские теплые вещи.

Мне удалось получить высшее образование, сестра закончила Асбестовский горный техникум.

Еще несколько лет после окончания войны мы ждали отца. Мама говорила нам, он «пропал без вести», а это не очень хорошо. Лучше молчать. И мы молчали. С нескрываемой детской завистью смотрели на сверстников, у которых отцы пришли с фронта. У них были детские велосипеды, игрушки, еда в достатке. У нас этого не было.

В 2007 году я стала членом Совета общественной организации «Память сердца. Дети погибших защитником Отечества». Мы делаем большую работу для детей, потерявших отцов на войне. Наше сердце хранит память о тех, кто навсегда остался «безвестно павшим» на фронтах Великой Отечественной войны.

Перелыгина О.В.

ДОРОГУЮ ШУБУ ПРОМЕНЯЛИ НА 20 ВЕДЕР КАРТОШКИ

Мои родители в 1930 году были раскулачены, бежали в поселок Куделька (г. Асбест), который был медвежьим углом. Отец катал вагонетки, мама работала на дробилке, когда поступили немецкие экскаваторы, – машинистом экскаватора в Южном руднике. Детство до 1941 года было счастливым. Отец непьющий, некурящий, трудолюбивый, хорошо зарабатывал. Он брал нас за руки, вел в Уралторг, покупал сладости, красивую одежду. Когда началась война, мне было 7 лет, брату – 4 года.

Жили в бараке по ул. Южная. Сейчас там карьер. В семьях было от 2 до 5 детей, комнаты были от 10 до 12 кв. м, маленькие. Летом гурьбой ходили за грибами, ягодами, варили суп с лебедой, крапивой, свекольной ботвой, ели саранки (раковая шейка), пиканы. В зимнее время приходилось туго, вся еда состояла из 300 гр хлеба, который был сырым, не всегда удавалось выкупить по карточкам. На рынке буханка хлеба стоила 300-400 руб., стакан соли – 100 руб.

Носить приходилось, что попало. Мне по бирке дали ботинки брезентовые на деревянном ходу, пока я добиралась до школы, ботинки намокали. Валенки были одни на двоих. Мыла не было, стирали в щёлоке. Зола кипятилась в воде.

В школе проверяли одежду. Перед тем, как отдать на проверку, вылавливала больших белых вшей. Болели чесоткой, дизентерией. Больница была переполнена, выводили червей-аскаридов величиной с карандаш с заострёнными концами (кровососы). Недалеко от барачков находилась товарная станция. Мы бегали туда, если удавалось стащить плитку жмыха (корм для скота), колобом мы называли, делили на всех, сосали. На территории станции находился склад соляной, мы металлическими крючками выскребали соль. Охранник с ружьём гонял нас.

В 1947 году отменили карточную систему, мама купила три буханки хлеба, полторы сразу съели. С подругой рвали крапиву, сдавали в столовую военного завода, нам наливали по тарелке супчика. В войну, как семье погибшего, дали драповое пальто с шёлковым подкладом, пока мама была на работе, я выпорола подклад, сшила сарафан, училась я в то время в 4-м классе. Когда мама пришла с работы спросила откуда, пояснила. На новый год, я доставала из сундука её платье, ушивала в плечах и талии и шла на ёлку. Когда я училась в техникуме, тяжело жилось маме после сложной операции. Запретили работать на тяжёлых работах. Она отбивала молотком сортовой асбест (отбойщица), сидела в забое на ватной подушке. Работала сторожем, уборщицей – зарплата 350 руб., пенсию на двоих получали 140 руб. (за погибшего отца). Стипендия 120 руб. в месяц. Я училась в горном техникуме. С зарплаты матери и со стипендии высчитывали за облигации (на восстановление народного хозяйства). Денег оставалось на суп с луковой зажаркой и чай с сахаром.

После окончания горного техникума работала горным мастером, старшим мастером, мастером буровзрывных работ, зав. складом взрывчатых материалов, начальником карьера, вернувшись с Казахстана, работала семь лет оператором пульта управления на кирпичном заводе. Брат окончил горный техникум, работал мастером, прорабом буровзрывных работ, 17 лет водил товарные поезда.

Перед войной отец купил маме дорогую натуральную шубку. Мы её променяли на 20 вёдер картофеля. Все его костюмы, пальто были также обменены. Что было в доме, всё променяли. Было много кур, порезали и корову, так как нечем было кормить.

Мама прожила 96 лет 3 месяца. Умерла в 2000 году, последние годы потеряла зрение. Из писем отца помню: он возил про-

получат это нарисован
шуря пропавши получили
или свободнее на Васно
добавили или или пропавши
и как уединения или Вазу
в сарай и работая или
Летом ребята по иди в лесу
~~такой холм с Наблюдением~~
ежегодно или а когда
уидеи на работу по в лесу
и Нелли холм когда холм холм
примити бай палка все
тисел в лесу тисел или когда
Ольва ривер или получают
не одного тисел или тисел
тисел или получают по ко добывают
обычно холм холм холм холм

Марамзин Павел Васильевич

Мисьяно Янафродину,

Добрый день. Поздравляю вас с рождением
во первых сыночка. Я вам могу сообщить
то я шиб, здоров то и вам шило.
теперь я кланюсь мамаше Ирине
Федоровне и шило я своё сыночек
постенне с любовью, нукий поклон
и пошлю все наилучшие благ
в нузи вашей. Еще кланюсь
деткам: Васе, Зоя, Лизе, Валле, Нине.
Шло я вам своё ойфровское постенне
с любовью, нукий поклон и пошлю
все хорошего в нузи вашей. Еще
кланюсь незабываемой сурчье
Вере воровне, шло я вам своё
сурчьеское горле постенне с
любвею, нукий поклон. Вера,
я вам сообщам, то я кахотце
в госпитале, но скоро придетел
ехать сичть на фронт, но него
пешущитесь, как нибудь переживай.
Это и тогда будем шить вместе.
Вера, пока шиб и переживай
все трудности. Вера, я вам

от сюда посылаю третью письмо
но от вас не получили никакого и
если вера не посылает письма,
то не посылайте, безразлично
недостану и меня здесь. Вера, я
товарищем, с которым был, то
не знаю где они. Пока нет никого
близких. Но, вера, пишите, пишите
и терпите. Я на этом заканчиваю,
передайте привет, брату Николаю и
всем по семейству по нужному поклоном
естере писю и всем вообще по
нужному поклоном но пока я нахожусь
конечно. Писал письмо в понедельник
4 января 42 года но еще раз
добыдание известий вам

П. Шаранов 4/1-42 1990.

Дочери:

Бессонова Елизавета Павловна

Пяйкина Валентина Павловна

Сын:

Маразун Василий Павлович

Письмо Шорникова Василия Алексеевича

г. Кувшино.

20.30 П.Н.41г.

Здравейте моя мама!

Здравейте и милые Толь и Толя!

Здравейте дорогая мама!

Привет родным и всем друзьям.

Как я уже сообщал, расположился мы в ранее для меня неизвестном городе Кувшино. Оказывается этот город не так уж зауряден. Здесь существуют такие кинокартинки как "Бесподобные" и "Улыбка не "роза". По количеству населения Кувшино стоит на уровне городов типа Ижевска, Орлов-Зуева и Вилки. Во всяком случае это старый город, во многих улочках существуют старые мезанжины, даже в том месте и радужном центре, который охватывает сам населенный пункт.

Сохранились и такие традиции, как Захарий Фан - среда и Воскресенье.

Я уже писал, что мы в основном квартиры устроились преимущественно, в условиях Вилки и Домашинки, даже Кудусов так считал. Но, увы,

Это делалось очень недолго. Прочли лишь
сунки и нам предложили перебраться
с гостиницы в квартиру. Условились перебраться
лишь в свою комнату противополож-
ную. Приселось только убраться со-
тратить и помыть. Велели с нами
составить о нашем входе и выйти
квартиры. За одну сунку мы ему
уехали поправиться и од изрядно
был огорчен нашими уходами.

Вера и сестры уехали в город
доставать время пожить в
городе. Город местечечко, но в
магазинах, на улицах чрезвычайно
свободно. Но в магазинах монета
можно найти мажорантуру, сукон,
байнет и др., во многих магазинах
можно увидеть и купить на бейс
и купоны на различные рубашки.

Я закупил купил байнета на
шапки, как не знаю ценю ли их отдавать
подшить. Байнет стоит 18 руб. шт.

Сейчас я рассказываю, что от описанных
гомои как что из своих вещей.

Например сейчас, байнет который
я брал под шпатель, во так и не

использовал, Монро было оштрафовано
и еще как то т.к. факт наказания, что
при чрезвычайном перевороте этот
момент окажется полезным, да
и естественно связывают будут все
в боевой обстановке. Но все это
пока в будущем. На сколько далеко
или близко это будущее - неизвестно.
Все будет зависеть от того, когда
будут перед нами поставлены ко-
нкретные задачи. Соображения эти все
очень быстро. Через два дня упрямый
Хейден и Ред. Дело за Невинсом
- за указаниями. Еще в доверие мы
используем только себе. Криво
тремя обязательствами. Притом
все, что нужно.

Зима здесь наименее хороша, да и
она становится различна:
Вспомогательная "сирота" репутация
Соловьев, как и другие - мороз. Но
хорошо все морозные пороги
установлены, но не так. Будут
себя чувствовать близко к делу,
как себя чувствовали французские в 1812.

Заставиле и. Стамбула о правото
колонию нае со саврону,
Соразмерков на. Набавлен
в бодуке онед невно.

На нутн следовател
на нутн не понае в изорно.
На оду и саврону за нагу
Мен го нас наставиле рече
о рожунама, а рече нескотко
расол поше нашо нуде
наставиле поше и на насуток
изрвали обичае.

Иу нок се. Ивентуо след
Хорони. Ному в. евои обичае
санора. И их одредиле
уелстват размега. Валетни
еже не одеват.

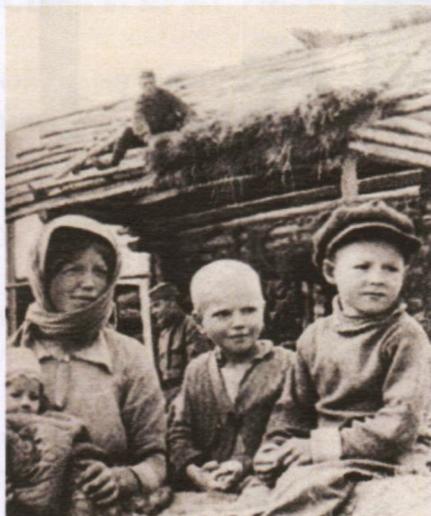
Еже рај првело веле. Тиме.
Моне, тиме чено наизумител.

Креко Креко. Имуго веле

Дред.

2. Килеица. Убавеност оди.
Ному, со савронуна
пошмаот 1/2.

ДВЕ СЕСТРЫ И БРАТ УМЕРЛИ ОТ ГОЛОДА

ДВЕ СЕСТРЫ И БРАТ УМЕРЛИ ОТ ГОЛОДА

Перед войной семья жила в Асбесте на улице Союза. Отец, Рублёв Иван Дмитриевич, 1905 г. рождения, работал на ремонтно-механическом заводе мастером по ремонту оборудования. В семье было пять детей. Виктор (1931 г.), Нина, Руфина, Валентин, Людмила (1940 г.).

Отец ушел на войну в июле 1941 г. Сохранилось одно письмо от 5 мая 1943 г., в котором он сообщал, что находится в стрелковом полку на учёбе. Погиб 8 мая 1943 г. в районе Синявино под Ленинградом.

После ухода отца на фронт мать пошла на ремонтно-механический завод, работала конюхом, дежурной на ж. д. переезде.

Семья голодала. Нина, Руфина и Валентин умерли от голода в 1942-1943 гг. Виктор в 13 лет пошёл работать на РМЗ. Чтобы выжить, весной ходили в лес, собирали первые травы: крапиву, кислицу, из которых варили суп, вместо картошки добавляли очистки. Но в огороде сажали картошку, капусту.

Мать умерла в 1981 г., дожив до 72 лет, брат Виктор умер в 2006 г. в возрасте 75 лет.

Я закончила вечернюю школу, подрабатывала с дядей – печником, делала раствор, подавала кирпичи. В 1960 г. пошла работать на Опытную фабрику учеником машиниста оборудования, работала машинистом аспирационно-вентиляционных установок, освоила профессию лифтера.

В 2008 г. удалось съездить на место гибели отца на Синявинские высоты. В этом месте ведутся раскопки, останки воинов захоранивают под Синявино, в братскую могилу. Там установлен мемориал.

Рублёва Людмила Ивановна.

АДОПОД **ХЛЕБ ПЕКЛИ С ЛЕБЕДОЙ** ДВЕ СЕСОС ВЯД

Родился 9 августа 1939 года в деревне Касяново Марийской АССР. Моего отца призвали в армию в 1939 году на Финскую войну, а потом на Великую Отечественную войну. При обороне Ленинграда был ранен и умер в госпитале. Мать умерла в 1949 году 17 мая.

Во время войны питание было плохое. Хлеб пекли с лебедой. Весной собирали замерзшую картошку и пекли олады. Не дай бог такого питания никому.

После смерти матери жил со снохой (брат был в армии). В 1956 году уехал в город Асбест, работал в комбинате «Ураласбест», откуда ушел на пенсию.

Рычков Анатолий Сергеевич

15.03.2007.

Воспоминание о детстве и юности в военные и послевоенные годы детей Головина Анфиногена Константиновича, защищавшего нашу Родину от фашистов и не вернувшегося с полей сражения

Когда отец ушел на фронт в августе 1941 года, старшему сыну Владиславу исполнилось 8 лет, дочке Галине не было 2 лет, а мне, младшей в семье, Маргарите было около 2-х месяцев. Он знал, что идет сражаться за правое дело, за счастье всех людей.

В битвах за Москву была сформирована 365-я стрелковая дивизия, в которую и попал отец – старший лейтенант роты связи. Письма, которые он успел прислать с фронта жене Екатерине Ильичичне, были проникнуты уверенностью в победу: «Не волнуйтесь за меня, вернемся живы и здоровы и обязательно вернемся с победой».

В декабре 1941 года отец писал маме: «Катя, береги детей – это самое главное, обо мне не беспокойся». Следующее сообщение было из военкомата: «Пропал без вести на полях сражения под Клином».

Мы с Галей этого горя еще не понимали, т.к. были маленькими, а старший брат Владик очень любил отца и страшно переживал о его потере. Нашей маме было тяжело ощутить себя вдовой в 32 года с тремя маленькими детьми на руках.

Но необходимо было жить ради нас, и она нашла в себе силы вынести все.

Всю войну и после ждала и надеялась, что отец вернется живым. Мы, когда подросли, тоже вздрагивали от каждого стука в дверь, думая, что папа вернулся.

Благодаря заботе нашей мамы и родственников о нас, мы выжили в это тяжелое время. Поддержка близких давала нам силы жить.

Владислав был послушным мальчиком и во всем помогал матери: ходил с ней на покос (т.к. у нас была корова), колот дрова, помогал в работе на огороде и т.д.

Когда мы подросли, тоже стали помощниками маме. Вспоминаются такие праздники как Новый год, День Победы, дни рождения. Готовили игрушки на елку, клеили и лепили, делали подарки самые простые. Разучивали стихи и песни. Приходили родственники и мы перед ними выступали.

Всем очень нравились наши концерты. Сейчас уже нет нашей мамы и родственников того поколения, но те годы войны и послевоенного времени не забываются. Сейчас мы уже все стали дедушками и бабушками. Наш наказ детям и внукам: не допускать разгорания новых войн и сказать «нет!» людским страданиям.

От недоедания и недостатка витаминов у нас часто кружились головы. Хлеб все получали по карточкам. Мы вспоминаем, как собирали все крошечки от мизерных порций хлеба. И часто мама отдавала нам свой кусочек, говоря, что она уже поела. В то время, кто держал корову, сдавали государству определенное количество молока, поэтому себе оставалось немножко. А весной на огороде собирали мороженную картошку, и мама пекла нам лепешки. Какie вкусные казались они нам!

Мы благодарим руководство Ремонтно-механического завода, где работал наш отец и откуда ушел на фронт, за помощь: давали путевки в пионерский лагерь, выписывали дров, иногда помогали материально. Низкий им поклон. Первым помощником для всей семьи был брат, он закончил техникум, пошел трудиться на рудник.

Мы с Галей тоже закончили Асбестовский горный техникум.

Все работали на предприятиях комбината «Ураласбест»

Валова Маргарита Анфиногеновна

МОЙ ОТЕЦ НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ...

Прожила всю жизнь с болью в сердце за своих родителей. Горькая им досталась судьба. В 1941 году отец был ранен, умер от ран и похоронен в 1943 году в Черниговской области Дворянском районе. За всю войну до нас дошло только одно его письмо, которое мы храним до сих пор, оплаканное и зачитанное до дыр. Там он писал, что громил фашистов в укреплениях. Дорожил каждой секундой, чтоб побольше уничтожить врага. В письме он беспокоился о нашей жизни. Ведь осталось пять дочерей, одна из которых, Валя, родилась в 1942 году.

Но не суждено было моему отцу вернуться домой, и воспитывать всех пятерых пришлось нашей маленькой хрупкой маме. Ей пришлось работать сразу на двух работах: днем в больнице санитаркой, а вечером в совхозе сторожить склады и перелопачивать зерно. Невозможно описать, сколько трудностей пережила моя мама Анна Петровна, которая, несмотря ни на что, вырастила нас, и все мы получили образование. Старшие сестры закончили семилетку, а я одна-единственная училась лучше всех, получила высшее образование.

Как мы выжили, это просто чудо! Много-много лет питались из года в год одной картошкой во всех видах. Сколько раз полураздетые ходили собирать ее на колхозных полях, сколько съели жмыха, лебеды, коры! Сколько раз были на краю жизни, умирали и снова воскресали, надеялись, что отец вернется и наша жизнь наладится!

Однажды сестры ушли в школу, мама была на работе, а я решила тоже идти в школу. Обувки не было, я надела мамины калоши и пошла в школу. Калоши увязли в грязи, и в школу я пришла без них, ноги были в грязи. Я села на крылечко и заплакала. В это время из школы вышла техничка, забрала меня, плачущую, вымыла ноги, накормила супчиком, забеленным молоком, а потом отвела в класс. Так я стала школьницей. Когда стала постарше, то летом

ходила в лес собирать смолу с подсоченных деревьев. Ходила одна, а чтобы было не страшно, пела песни. За эту смолу давали деньги.

Наш дом стоял на горе. Из окон было видно, как возвращались с войны солдаты. Мы всегда выбегали их встречать. Но, увы!

Раны войны и сегодня у нас, убеленных сединой, не перестают болеть. Мы, дети войны, пережили такое, что, глядя на современных детей, говорим: «Пусть будет, что будет, лишь бы не было войны. Лишь бы никогда ребенок не увидел слезы матерей – огромное море слез». Говорят, эти слезы уходят на небо и возвращаются оттуда дождем и наводнениями. О! Как надо беречь наш хрупкий мир, беречь нашу планету!

Люди! Берегите друг друга, любите друг друга. И, может, нам повезет и не будет войны на Земле.

Жиганова Л.В.

ОТЕЦ ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА

До войны мы жили в деревне в Пензенской области. Началась война, отца сразу забрали на фронт. Мама осталась с четырьмя детьми, самому младшему было шесть месяцев. Как выжили, одному Богу известно. Ели траву, мерзлую картошку.

Войны как таковой мы не видели, но через нашу деревню на фронт шли машины с солдатами. Мы слышали грохот канонады.

Отец дошел до Берлина. Но не для всех война закончилась в Берлине. Отец продолжал воевать в Польше, был ранен восемь раз, а в октябре 1945 года мы получили похоронку. В ней сообщалось, что отец умер в госпитале от ранения в голову. Похоронен в Польше, в Люблине (могила 871-6).

Повзрослев, я приехала к брату в Асбест, поступила учиться в ФЗУ. Тридцать лет проработала машинистом оборудования на обогатительной фабрике. Пенсия маленькая.

В 2005 году детям погибших отцов давали по 200 рублей. Меня этот закон обошел, так как отец умер после войны.

Я – инвалид второй группы, ветеран труда, но льготы не получаю. Сняли с очереди на протезирование зубов (теперь мне нужно пять тысяч рублей, а где их взять?)

Вот такая у нас, детей погибших защитников Отечества, жизнь, за которую они отдали свои жизни.

Рождествина А.Х.

ПИСЬМА С ФРОНТА

Отец Петунин Федор Петрович, 1905 года рождения, работал мастером цеха Асбожелдорога. Он ремонтировал паровозы, которые возили руду из карьера на обогатительную фабрику. В свободное от работы время ходил в лес на охоту.

Мой брат Адольф Федорович Петунин ушел на фронт, когда ему исполнилось 15 лет. Он заставил мою мать заявить в военкомат, что у него неправильно записан год рождения, что ему 16 лет.

Отец воевал 9 месяцев, но за это время от него пришло 33 письма, затем пропал без вести.

Брат дошел до Берлина, искал отца во всех концлагерях, так как 7 лет находился в Германии в составе наших войск.

Отец писал о том, что едет по направлению к Москве, затем в январе 1942 из Москвы в Ленинград. Моей матери он писал: «Если у тебя нет сена для коровы, то продай что-нибудь из моей одежды, но корову сохрани. В крайнем случае – продай ружьё. Корова спасет вас от голода. Нам давали сгущенное молоко, а я каждый раз вспоминал о вас».

Далее он писал: «Находимся на фронте, выполняем боевые задания. Некоторых из нашей части уже нет в живых. Я был под бомбежкой, но пока не вредим. Думаю, что зря свою голову не положу. Стоим в землянках. Находимся на соединении с Ленинградским фронтом».

Часто в письмах он обижался, что нет писем от семьи. В то время полевая почта работала плохо. Он просил выслать мою фотографию. В следующем письме было радостное сообщение о том, что получил сразу 5 писем и фотографию дочери. Вот его слова: «Сердечно благодарю за фотографию, на которую сейчас только и гляжу. Я в покое, что есть сено для коровы».

В марте 1942 года в письме он сообщил, что своими глазами видел Ворошилова, и это его вдохновило на успех в войне.

Сыну он советовал: «Пока я на фронте, тебе надо быть примерным учеником токаря, выполнять производственную програм-

му так, как мы на фронте, а главное – помогать пережить все трудности маме».

В мае 1942 года он писал: «Ждем хорошей погоды, стоим в болоте, дорог нет. Утром ходил на охоту, убил рябчика, сварил и съел с аппетитом. Сыну на охоту ходить не разрешаю, так как он может заблудиться или ошибиться с ружьем. Вот если к осени приду домой, то тогда пойдем на охоту вместе. Постарайся посадить побольше картошки, ибо она пригодится».

В последнем письме он благодарил меня, свою дочь, за то, что в конверте был послан табак, а ему очень хотелось покурить.

Один из асбестовцев, вернувшийся домой, рассказал матери, что видел отца, раненного в ногу, в группе воинов, которые попали в плен на Ленинградском фронте. Официальные органы сообщили о том, что «пропал» без вести.

Я окончила Асбестовский горный техникум, много лет работала в институте НИИпроектасбест.

Имя моего отца выбито на обелиске у управления Центрально-го рудника.

Воробьева А.Ф.

В АСБЕСТЕ БЫЛО ТРУДНО ВЫЖИТЬ

Хотелось бы описать нашу жизнь военного периода, но не получается... Все было так, что «ни в сказке сказать, ни пером описать».

Самое главное, что отец Камкин Владимир Родионович, 1907 года рождения, оставил нам, детям, много красочных детских книжек и журналов. Сам он был малограмотный крестьянин, приехавший на прииск Куделька в поисках лучшей жизни в 1932 году.

Жили в бараке. В 1935 году начали строить собственное жильё совместно с младшим братом. Строили из досок, засыпали асбестовой пылью и опилками. Строили на голых камнях. Соответственно огород был не плодоносящий, но зато было два ключа, из которых можно было брать воду. Впоследствии из одного сделали колодец, а другой обсадили кустарниками. Обустройство усадьбы завершили к началу войны. Были посажены тополя, живущие до сих пор, хотя дом рухнул в 2000 году. Была посажена сирень, которая зацвела белым цветом ровно через 25 лет после посадки.

Когда в 1941 году отец и его братья ушли на фронт, с нами остались малограмотные матери – домохозяйки и бабушка с бабушкой – родители отца. На их попечении осталось 7 внуков.

Нас у матери было трое. Мне было 6 лет, одному брату – 4 года, младшему – год и 8 месяцев. Жили очень скудно, но надеялись на лучшее.

Со слов мамы и бабушки с бабушкой, наши отцы просили сохранить детей, учить только добру, не отпускать от себя далеко.

Когда бабушка умер от голода, а бабушка чувствовала себя плохо, она дала наказ своим снохам: после её смерти вернуть-

ся в деревню, из которой они приехали в Асбест. В деревне растёт трава, лебеда, крапива, репей, осот и др.

Наши мамы в марте 1944 года обули ноги свои и детей в разное тряпье и двинулись караваном в деревню Травянка Каменск-Уральского района. Сами запряглись в санки, в которых сидели дети и находилось все богатство, что имели. Это – отцовский портрет, часы-ходики, зеркало с фотографиями родственников, одна подушка и одно одеяло на всех.

Дети, что постарше, шли пешком. Сколько шли, не знаю, но помню, что ночевали два раза в разных деревнях.

Так как родители были неграмотные, писем от отца не ждали, да их и не было. Нам нужно было учиться. В школу я пошла восьми лет, но в первом классе проучилась только до нового года, не было обуви. До марта 1944 года просидела на печи.

Во второй класс я перешла в школу Каменск-Уральского в октябре 1944 года. Сначала в сентябре меня и моих братьев записали в первый класс, а затем меня перевели во второй класс. Брат не стал учиться, потому что босиком или в ватных носках ходить было холодно и сыро.

Как бы ни было трудно, холодно и голодно, желание учиться было у всех. Сначала закончили по 7 классов, потом доучивались в вечерней школе.

У меня два свидетельства об окончании 7-го класса. Одно получила в 1950 году, окончив школу, имея на руках в собственности два учебника: сборник задач по арифметике, учебник по правописанию.

Второе свидетельство получила, закончив 7 класс вечерней школы, для поступления в техникум. Закончила Асбестовский горный техникум. Братья закончили по 10 классов вечерней школы и ремесленное училище.

— Один брат до 60 лет работал на фабрике № 4 электрослесарем.

Младший брат тоже электрослесарь, работал на Рефтинской ГРЭС, на Чернобыльской АЭС. Уже в возрасте с красным дипломом закончил энергетический техникум. Живет в Киеве.

— Так что жизнь прекрасна и удивительна...

Кочнева К.В.

жизни в 1932 году родилась в семье рабочих. Отец — рабочий на фабрике № 4, мать — домохозяйка. В детстве жила в коммунальной квартире. В 1948 году поступила в школу № 10. В 1953 году окончила школу и поступила в техникум. В 1958 году окончила техникум и поступила в институт. В 1963 году окончила институт и поступила на работу в завод. В 1968 году вышла замуж за инженера. В 1973 году родилась дочь. В 1978 году переехала в новую квартиру. В 1983 году переехала в новую квартиру. В 1988 году переехала в новую квартиру. В 1993 году переехала в новую квартиру. В 1998 году переехала в новую квартиру. В 2003 году переехала в новую квартиру. В 2008 году переехала в новую квартиру. В 2013 году переехала в новую квартиру. В 2018 году переехала в новую квартиру. В 2023 году переехала в новую квартиру.

Со слов мамы и бабушки, наши дедушки были очень добрыми и трудолюбивыми людьми. Они работали на фабрике № 4 электрослесарями. Мама тоже работала на фабрике № 4. В детстве мы жили в коммунальной квартире. В 1948 году поступила в школу № 10. В 1953 году окончила школу и поступила в техникум. В 1958 году окончила техникум и поступила в институт. В 1963 году окончила институт и поступила на работу в завод. В 1968 году вышла замуж за инженера. В 1973 году родилась дочь. В 1978 году переехала в новую квартиру. В 1983 году переехала в новую квартиру. В 1988 году переехала в новую квартиру. В 1993 году переехала в новую квартиру. В 1998 году переехала в новую квартиру. В 2003 году переехала в новую квартиру. В 2008 году переехала в новую квартиру. В 2013 году переехала в новую квартиру. В 2018 году переехала в новую квартиру. В 2023 году переехала в новую квартиру.

О ЖИЗНИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Перед войной у людей было тревожное предчувствие. Взрослые иногда говорили, нападет ли Германия на СССР или как-то страны договорятся между собой. Говорили тихонько, с опаской, — на политические темы тогда говорить было не безопасно.

22 июня день стоял солнечный, жаркий. Мы с мамой выпалывали сорняки в огороде. Вдруг слышим: куда-то побежали соседи, громко заговорили. Оказалось, из Белоярского военкомата и райкома партии приехали нарочные, привезли повестки коммунистам о срочном призыве в Красную Армию.

Наш сосед Брусницын Иван Яковлевич был призван в первый день войны, домой он не вернулся. Его семью постигла беда. Его жена с тремя маленькими детьми переехала в деревню Измоденово, устроилась на завод, который выпускал снаряды. Один из снарядов разорвался у неё в руке, и тетя Люба погибла. Дети остались сиротами.

Очень быстро всех мужчин с нашей улицы призвали в армию. С фронта не вернулись братья Маслаковы, Бетев, Семянников, Тюлькин, Бутаков, мамины двоюродные братья Осинцевы Василий и Александр. У них осталось по трое, четверо детей.

Нашего отца призвали 17 марта 1942 года. До этого времени у него была бронь. Он работал бригадиром на погрузке шпал.

Из большой родни из мужчин на проводинах был только дедушка Федор — мамин отец. Детей было четверо, я самая старшая. Мне в феврале 1942 года исполнилось 12 лет, Нине было 5 лет, брату Володе — 2 года, а младшей сестричке Ане всего пять месяцев. Отец очень волновался за Аню, носил ее на руках и просил: «Вы ее не обижайте, она самая маленькая». Отец любил всех нас, не кричал на нас, не наказывал ремнем, хотел, чтобы мы стали грамотными, образованными людьми. Сам он окончил три класса приходской школы. Он хорошо разбирался в математике, учил меня

решать задачи, заставляя думать, мыслить. В результате этого я всегда первая в классе решала задачи.

17 марта из Белоярки приехала подвода за призывниками. Вместе с отцом уезжали Володя Шабалин, Василий Овчинников и другие. Мы с сыном Овчинникова Толей долго бежали вслед за подводой и плакали.

Позже мы узнали о том, что во время движения поезда по направлению к Красноуфимску произошло столкновение пассажирского и товарного поездов, погибло много людей. Василия Овчинникова ранило, и его госпитализировали. Отец и Володя не пострадали и попали в Нижнюю Сарану на учебу в стрелковый полк № 695, 221 дивизия, 4 рота, 4 взвод. Там они изучили винтовку, пулемет Дегтярева, гранату, ходили в походы по 30 км.

В мае отец сообщил, что его из строевой роты перевели в связисты, что изучают азбуку Морзе, что учеба ему хорошо дается и служить полегче.

Видимо, после обучения его отправили в Саратовскую область, город Аткарск. В августе отец писал, что к ним приезжал маршал Ворошилов с проверкой, видимо, перед отправкой на фронт. Это было 5 августа 1942 года. А 25 августа было последнее письмо. В нем он писал, чтобы мы сильно о нем не переживали – чему быть, – того не миновать. Он погиб 5 сентября 1942 года в бою на ст. Котлубань Сталинградской области.

В этот день был ранен Володя Шабалин. Когда его несли санитары, наш отец крикнул ему из окна: «Передай семье, что пока жив и здоров». Об этом Володя Шабалин написал своим родителям.

Нам очень долго не было известно о гибели отца. Лишь после моего запроса в феврале 1946 года в военкомате мне вручили похоронку. Я вышла из военкомата в слезах. Об отце у меня остались самые добрые воспоминания. На работе его ценили и уважали за трудолюбие и доброе отношение к коллегам.

Я хорошо помню, как отец приходил на обед почему-то с топориком в руках. Летом садился во дворе на табурет и что-

нибудь рассказывал. В письмах он писал, что очень скучает о нас, просил, чтобы мы косили сено для коровы, садили бы больше картошки, заготавливали дров, радовался нашим успехам в учебе.

Отец мечтал, чтобы мы получили хорошее образование. До высшего мы не дотянули, но среднее специальное получили все, добросовестно проработали до пенсии. Высшее образование получили внуки отца: Саша, Сережа, Ирина, Оля. Дети Нины и Ани имеют среднее специальное образование. Все трудятся.

Я думаю: нашему отцу не было бы стыдно за нас.

Во время войны у нас погибло восемь родственников.

До войны по праздникам собирались у нас, пели грустные песни: «Знаю, ворон, твой обычай», «На нас напали злые чехи».

В первые годы войны мы жили сносно, потому что имелись в запасе мука, сухари, соль. Трудности начались, когда эти запасы были съедены.

Поселок Каменка находился в ведении Белоярского района, это считалось сельской местностью, а поэтому хлебных карточек, как в городе, не было. Выдавалось мизерное количество муки, примерно 200 г на человека в месяц. Картофеля до нового урожая не хватало, летом ходили в лес, выкапывали корни колокольчиков, саранок. Готовили из них кашу, лепешки с приторно-сладким вкусом. Ранней весной на колхозных полях собирали мороженный картофель, пекли из него темно-серые лепешки. Они в то время казались вкусными.

Выручала нас корова, молока она давала немного. Оно было очень жирное и вкусное. Часть молока продавали, ездили в Свердловск. На вырученные деньги можно было купить две маленьких черных булочки у спекулянтов. Мне было 13 лет, и однажды вместо хлеба я купила колечки, сделанные из монеток. Дома над моими покупками и посмеялись, и поплакали.

Поезд на Свердловск шел в 3 часа утра, обратно было трудно сесть в вагон и даже в тамбур. Люди ехали на крышах и подножках. Однажды мне пришлось ехать на самой нижней подножке, держась за поручни. Кисти рук одеревенели. Я думала, что сорвусь, не доеду до дома.

Мы стали рано помогать маме по хозяйству, кто что мог. Я, как старшая, с мамой косила сено и убирала его. Дрова заготавливали сами: пилили в лесу и таскали домой.

Мама работала в лесничестве. Мы помогали ей сажать сосенки и ухаживать за ними. Летом я работала в подсобном хозяйстве: мы садили капусту, морковь. Воду для полива носили с реки Пышма. За работу нас кормили пшенной похлебкой, давали немного денег.

В 1944 году я жила в деревне Каменное озеро у папиного старшего брата, деда Романа и бабушки Ульяны. У них был большой огород, корова, овцы. Работы хватало. Осенью мы с бабушкой накопали 800 ведер картошки. Часть оставили себе, остальное сдали государству.

Весной и летом работала в колхозе. Боронили на коровах и быках. Однажды сели на лужайку пообедать, а бык взбеленился, помчался прямо на меня, и я попала под борону. Хорошо, что она была кверху зубьями. Я отделалась синяками, шишками. По дому очень скучала и решила вернуться домой. Положила в вещмешок каравай хлеба и почему-то редьку. Старики не предложили гостинцев для моих сестер и брата, а мне так хотелось их порадовать.

После войны есть по-прежнему было почти нечего, приличные вещи были проданы.

В 1945 году я приехала в Асбест к бабушке Марии, маминной маме. Мамина сестра Валентина помогла мне устроиться на работу няней в детский сад. Я получила хлебную карточку на 500 г в день (можно было пообедать). Я договорилась, чтобы Аню и Володю приняли в детский сад, где я работала. Маме стало полегче.

Никакой пенсии или пособия на детей не давали, потому что похоронку мы получили только после войны. Пособие потом назначили, но очень мизерное. Володя и Аня вернулись домой.

В 1948 году с мамой произошел несчастный случай. В марте она несла какую-то доску или бревно, поскользнулась, упала и получила сотрясение мозга. Ее привезли в Асбест и положили в больницу. Пока она лечилась, Володя и Аня оставались одни. Они даже ходили в лес пилить дрова. В это время отелилась корова. Соседка занесла теленка в дом, и он замерз. Вот так мы выживали я проучилась в вечерней школе 3 года, с 5-го по 7-й класс, и поступила в Ирбитское педучилище на дошкольное отделение. Работала няней, поваром, воспитателем и более 25 лет – заведующей детским садом.

Нина выучилась на фельдшера, Аня – на медсестру, Володя окончил автодорожный техникум.

Светлая память моему отцу Осинцеву Якову Федоровичу и матери Осинцевой Елене Федоровне.

Махаева В.Я.

Я ЗАБЫТЬ НИКОГДА НЕ СМОГУ

*Наверно, что сейчас от той зимы остались
Лишь могильные холмы.*

Она жива, пока живые мы.

И 30 лет и 50 пройдет,

А нам от той зимы не отогреться,

Нас от нее ничто не оторвет,

Мы с ней всегда и памятью и сердцем.

Ю. Воронов

Мой отец, Корелин Михаил Михайлович, 1911 года рождения, был призван Асбестовским горвоенкоматом. Осталась жена, Александра Ильинична, которая ждала ребенка, а я появилась на свет 23 января 1942 года. В то время декретный отпуск давали только на 28 дней. Моя мама определила меня в ясли, а сама стала работать там же няней.

Пришло долгожданное письмо, в котором отец писал, что хочет увидеть дочку, думает о ней, заботится о том, кто заготовит дрова для обогрева зимой. Жаловался на отсутствие табака. Письмо написано 14 июля 1942 года. Были и другие письма, два из них сохранились до сих пор. Этими письмами жила моя мама, надеялась после войны встретить мужа. Но...

2 января 1943 года пришло извещение о том, что Корелин Михаил Михайлович при исполнении воинского долга погиб в деревне Андреевка Смоленской области. Так моя мама стала вдовой, а я так и не увидела отца. Есть только фотография, где он в военной форме. На обороте его надпись «На долгую память дочке Люде от папы». Я дорожу этой фотографией и горжусь своим отцом.

Всю нежность и любовь, заботу, внимание мама посвятила мне. Она была рукодельницей, плела на коклюшках чудные кружева. Она пекла пироги на радость всем.

Мама работала на асбестообогатительной фабрике № 3. Она ушла из жизни 9 мая 1990 года в возрасте 79 лет. А День Победы

для неё был святым, до конца своих дней она была верна моему отцу. Я благодарна ей за воспитание во мне лучших качеств.

Скоро наша страна будет праздновать 65-летие Победы во Второй мировой войне. А люди до сих пор разыскивают своих близких, родственников в надежде узнать о месте их гибели и захоронении, чтобы посетить последний приют.

Общественная организация «Память сердца. Дети погибших защитников Отечества» делает доброе нужное дело, за что ей признательны и благодарны люди.

Часто бывало, что негде укрыться.

Лишь подставились
Вяткина Людмила Михайловна,
Где бесконечно холодно
февраль 2009

Жили надеждой в ожидании доброты

Онова счастливой памяти жаждала

...ожерд вс оти, тедрф, ен эдв

Страшнее твоей души в мире нет

Нам принесли простой конверт.

Но, памятуя о тебе, не забывай

Как трудно было в те годы жить

Так «плохорошо» было в те годы жить

Надежду, надежду, надежду...

Проставши, нежело жемшантсод

Лишь в 45-е, в год победы

Мы добрались до бабушки с дедом.

Нам с братом было очень тяжело

Война как много в этом слове...

А маме, маме, маме...

Жизнь дала, жизнь дала...

Но без тебя, без тебя...

...оним ос и мотвдб с вмем А

Чтоб нас спасти и накормить

Оставил, ушел, ушел...

И чтобы было нам где жить

Я ЗАБЫТЬ *** КОГДА НЕ СМОГУ

Год 41-й не забыть,
В семье родной счастливо жить.
Отец и мать, братишка, я –
Такая дружная семья.
Отец и мама – педагоги,
А перед нами все дороги...

Ю. Воронов

Но как-то утром, лишь светало,
Но всё вокруг загрохотало!
Хоть город наш не на границе,
Но все же жителям не спится.
Ведь не секрет, что за рекою,
Фашист давно окопы роет.
Пришло долгожданное письмо, в котором отец писал, что хочет увидеть дочку
Но завтра весь народ стремится
С детьми скорей в вагон пробиться.
Уехать дальше от войны.
Куда-нибудь, но в глубь страны.
Простившись наскоро с женой,
Отец спешит на призывной.
2 января 1941 года
Война! Как много в этом слове...
Не все мы всколыхнуть готовы.
Проехал день лишь эшелон,
И был разбит фашистом...
А мама с братом и со мной
Осталась чудом лишь живой.

Мама работала на асбестоцементной фабрике № 3. Она ушла из жизни 9 мая 1990 года в возрасте 79 лет. А День Победы

А дальше... смена паровозов,
В вагонах жизнь и голод, слезы.
До Волги так и не добрались.
Три года по ж.д. катались.
Лишь грязь, и вши, и тараканы.
А как держались наши мамы!

Несколько лет под бомбежкой фрицев,
Часто бывало, что негде укрыться.
Лишь под вагоном, который бомбили,
Где бесконечно детишки вопили.
Жили надеждой, что папа вернется.
Снова счастливое время начнется.

Страшнее того дня в жизни нет:
Нам принесли простой конверт.
Но, прочитав бумажку, мама,
Как куль, на пол свалилась прямо –
Так «похоронка» в дом пришла,
Надежду, радость унесла.

Лишь в 45-м, в год победы,
Мы добрались до бабы с дедом.
Нам с братом было семь и пять,
А маме только 25.
Жизнь довелось начать сначала,
Но без отца труднее стало.

Чтоб нас одеть и накормить
И чтобы было нам где жить –

(О школе мама не мечтала)
Зав. детским садом вскоре стала,
И в нем же комната для нас,
Как трудно было ей подчас!

И пусть не все ей удавалось,
Но не согнулась, не сломалась.

Учила нас страну любить
И справедливым, честным быть.

Я верю, был бы жив отец,
Не раз сказал бы: «Молодец!»

Детей своих мы так растили,
Чтобы дедов достойны были.

Трудились мы и день и ночь,
Чтоб детям чем-нибудь помочь,

И внука содержать не прочь,
Но я – погибшего лишь дочь.

Погибших власть совсем забыла,
Лишь «Ветеранов» одарила.

Они детей содержат, внуков.
А те «дурят» порой от скуки,

А те, отцов кто не дождались,
Лишь на обочине остались!

И наше правительство и президенты
Многим раздали уже соц. презенты.

Пишут в газетах, вещают с трибун,
Вокруг ветеранов давно уже бум!

По-третьему разу машины, квартиры...
Пора бы сменить уже ориентиры.

Один Ленинградец – участник войны,
А как же тогда называемся мы?
А Сталинградцев, Курян, Белгородцев,
Тех, кто познал на себе ингородцев?
Их матерей на глазах убивали,
С сестрами вместе тащили в подвалы...

Все это шло на глазах у детей,
Сколько мы познали смертей!
Виселиц, «Пров», потеря родных,
Может, пора уже вспомнить о них?
Женам погибших лишь статус вручали.
Что же детей от семей отлучили?

Орлова Людмила Львовна

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

*65-летию Великой Победы
и памяти наших отцов и матерей
посвящается эта книга*

Ответственный за выпуск Перелыгина Ольга Викторовна
Компьютерная верстка В. Никольская
Корректор Н. Леонова

Погибших власть совсем забыла,
Лишь «Ветеранов» одарила.
Они детей содержат, внуков.

Подписано в печать 22.03.2010 г. Бумага офсетная.
Формат 60x84/16. Гарнитура Arial Cyr.
Печать офсетная. Усл. печ.л. 5,9.
Тираж 1000 экз. Заказ 555.

Отпечатано в ГУП СО «Асбестовская типография» /
624261, Свердловская обл., г. Асбест, ул. Садовая, 5
e-mail: tipograf-asb@yandex.ru

Пишут в газетах, вещают с трибун,
Вокруг ветеранов давно уже бум!